

The background of the cover is a detailed illustration. A woman with long, wavy brown hair, wearing a green dress with gold trim, stands in the foreground. In the background, there is a large castle with many towers and spires. Two dragons, one red and one blue, are flying in the sky. In the bottom right corner, there is a jack-o'-lantern with a lit candle inside it, and a small spider on a web nearby.

Виктория
РЭД ХАРТ

БОЕВАЯ
ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА
В АКАДЕМИИ

КНИГА ВТОРАЯ

Виктория Рэд Харт

**Боевая целительница в
Академии. Вторая книга**

«Автор»

2026

Рэд Харт В.

Боевая целительница в Академии. Вторая книга / В. Рэд Харт —
«Автор», 2026

Она — ученица эксцентричного лекаря, поступила в элитную академию. Ей титулы и расы не важны — лечит всех, но и в обиду себя не даст. Аристократы в шоке. Ради лицензии целителя она готова на всё. В золочёных залах, где учатся драконы, эльфы и орки, её ждут интриги, ловушки, вражда с королевством, вылазки в Безумный лес и тяжёлые тренировки. Рядом — четверо мужчин: жгучий брюнет, прирождённый лидер, рыжий обаятельный маг, холодный расчётливый блондин и спокойный могучий воин. У каждого свой мотив завоевать её сердце. Сможет ли она отличить искренность от расчёта? В кого влюбится? Кем станет — женой, любовницей, статусной вещью или найдёт свой уникальный путь?

© Рэд Харт В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Булочка, тюрьма и «наставник»	7
Глава 2. Первый пациент	15
Глава 3. Пациенты	19
Глава 4. Лес	22
Глава 5. Конец лета	27
Глава 6. Город	30
Глава 7. Спустя пять лет	34
Глава 8. Письмо наставнику	41
Глава 9. Белая вылазка	45
Глава 10. Возвращение вожака	51
Глава 11. Эльза и пропуск на приём у ректора	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Виктория Рэд Харт

Боевая целительница в Академии. Вторая книга

Целительница

ЭЛЬЗА

Книга вторая

Был – 295 на 184 стр

Сказал 158= на 184 !

Оглавление

Глава 1. Булочка, тюрьма и «наставник»

Глава 2. Первый пациент

Глава 3. Пациенты

Глава 4. Лес

Глава 5. Конец лета

Глава 6. Город

Глава 7. Спустя пять лет

Глава 8. Письмо наставнику

Глава 9. Белая вылазка

Глава 10. Возвращение вожака

Глава 11. Эльза и пропуск на приём у ректора

Глава 12. Дерек

Глава 13. Стратег и его план

Глава 14. Размышления артефактора

Глава 15. Подготовка к Хэллоуину

Глава 16. Игнис. Стать магом огня

Глава 17. Дерек и приглашение на собрание вожаков

Глава 18. Игнис идет в лазарет

Глава 19. Подготовка к черной вылазке

Глава 20. Собрание вожаков

Глава 21. Игнис. Поиск наставника

Глава 22. Дерек после собрания

Глава 23. Свидание. Румус и Эльза

Глава 24. Румус и его месть

Глава 25. Черная вылазка

Глава 26. У ректора после вылазки

Глава 27. Дерек. Истинная?

Глава 28. В лазарете

Глава 29. Хэллоуин

Глава 30. Ночной допрос

Глава 31. После Хэллоуина

Глава 32. Эльза. Отравление

Глава 33. Крэг. Отравление Эльзы

Глава 34. Утро после той самой ночи

Глава 35. Крэг. Встреча после ночи

Глава 36. Эльза узнаёт правду о драконах
Глава 37. Поиск доказательств
Глава 38. Красная вылазка с драконами
Глава 39. Турниры и тени
Глава 40. Поиск доказательств
Глава 41. Турнир огневиков
Глава 42. Румус и Игнор
Глава 43. Предостережение
Глава 44. Изучение законов
Глава 45. Румус и библиотека
Глава 46. Неожиданная атака
Глава 47. Лиана ищет Эльзу
Глава 48. Спасение Эльзы
Глава 49. Разговор с ректором
Глава 50. Подготовка к приёму
Глава 51. Игнис
Глава 52. Приём. Дерек
Глава 53. Приём. Игнис
Глава 54. Баронесса
Глава 55. Стая улетает на испытания
Глава 56. Самая длинная ночь в году
Глава 57. Эльза у лианы
Эпилог

*В эту ночь по академии бродил призрак. Он пугал
эдильгийцев, предсказывал будущее Лориэну и заставил
легендарного орка выскочить на улицу в одних трусах.
Это был лучший Хэллоуин в моей жизни.
Эльза*

Глава 1. Булочка, тюрьма и «наставник»

Я проснулась от того, что хочу есть. Не просто хочу – выть хочется от голода. И это странно. Потому что последнее, что я помнила, – это дикая, рвущая боль в груди, темнота в глазах и падение.

Инфаркт.

Обширный, судя по симптомам. Я проработала медсестрой сорок лет. Шансов выжить тогда у подъезда почти не было. Я лежала и пыталась мысленно вызвать скорую, но тело не слушалось.

Паралич?

Нет, просто слабость. Но главное – я дышу. Я думаю. Значит, кто-то нашел, откачали.

Повезло.

С огромным трудом я разлепила веки и тут же захотела зажмуриться обратно.

Надо мной оказался не белёный больничный потолок, а серое, хмурое небо и какие-то кривые ветки. Чуть дальше, на фоне облаков, маячила каменная махина, похожая на собор или очень старую церковь. А запах... Запах противный. Пахло сыростью, гнилой соломой, дымом и еще чем-то кислым, что я не могла идентифицировать, но нос морщить не переставала. Тело болело, но слушалось.

Я огляделась: сижу на земле, в какой-то грязи, практически под дощатым забором. Вокруг покосившиеся домишки, лужи, пара тощих кур. Деревня. Захолустье.

И тут я опустила взгляд на свои руки, которыми опиралась на землю. Руки маленькие. Не мои. Худые, грязные, с обломанными ногтями, но маленькие. Детские или подростковые.

Я ощупала себя – руки худые, но не костлявые, кожа не в синяках, не в грязи, как у бездомной. Одежда простая, но целая, даже кружево на рукавах. Таких детей не бросают умирать под заборами. Таких детей ищут.

Я попыталась вспомнить хоть что-то из жизни этой девочки и не смогла. Ни имени, ни лица, ни дома. Только пустота.

Паника накатила липкой волной, но голод перекрыл ее с головой. Желудок скрутило так, что перед глазами поплыли круги. Не до рефлексии.

Мимо прошла женщина, и я потянулась к ней, попросила кушать. Голос мой был мне незнаком, как и речь. Но слова срывались сами собой, и главное – я поняла ее ответ. Она гневно крикнула: «Пошла прочь, оглоедина!». И я поняла каждое слово. Просто поняла – и всё. И поняла, что не помогут, но что-то надо делать. Но что?

Запахи!

Нужно идти на запахи. Отфильтровав вонь помоев и прелой листвы, я уловила нечто божественное – горячий хлеб и, кажется, жареное мясо.

Я встала и, шатаясь, побрела на этот запах. Ноги ватные и тоже какие-то чужие и короткие.

Базарчик оказался маленьким: три-четыре лотка и пара мешков с крупой прямо на земле. Люди косились на меня, но меня это не задевало. Я подошла к тетке в грязном фартуке, которая резала горячий пирог с чем-то зеленым.

– Пожалуйста, – прохрипела я, и голос прозвучал тонко и сипло. – Я очень голодна. Мне бы кусочек. Я отработаю.

Тетка сердито взглянула, потом отвернулась, ничего не ответив, и продолжила резать.

Я поплелась к другому лотку – с булочками. Попросила снова. Меня грубо толкнули в плечо и велели идти просить подаяние у храма, если такая нищая.

Голод затмил разум. В прошлой жизни я была законопослушной, даже чопорной. Но сейчас инстинкт выживания орал громче совести. Я метнулась к лотку, схватила одну сдобную булочку и рванула прочь.

Бежала я плохо. Ноги заплетались, а бег отнимал последние силы. Меня сцапали через десять метров. Больно вывернули руку, заехали по шее так, что я врезалась лицом в грязь, и куда-то потащили.

Очнулась я уже на грязном полу, в клетке. Спина горела огнем, видимо, те самые удары, которыми меня «сопровождали». Вокруг сидели люди. Несколько мужиков бомжеватого вида, которые даже не взглянули на новенькую. И один мужчина, державшийся особняком. Лохматый, с длинной бородой, в одежде, когда-то неплохой, но сейчас застиранной и мятой. Он не походил на бомжа, скорее на опустившегося ученого или спившегося аристократа. И что странно, от него не воняло так, как от остальных. Он внимательно смотрел на меня, а когда увидел, что я очнулась, тут же отвернулся.

Боль в спине и пустой желудок уже полностью лишили меня сил, и я просто лежала и думала, за что я попала сюда, и как быстро кончится тут моя жизнь.

Позже принесли баланду. Вонючее пойло, которое называли похлебкой: вода, какая-то разварившаяся крупа и плавающие куски разваренной капусты и кусок дубового хлеба. Даже собаки побрезговали. Но я съела всё. И облизала миску. Остальные тоже ели с таким аппетитом, будто это омары под белым соусом.

А тот особенный мужик, съев свою порцию, устроил театр. Он встал у решетки, обращаясь к стражникам, начал вещать. Громко, на всю тюрьму. О том, как он честно жил, людям помогал, а теперь всеми покинут, куска хлеба никто не подаст, и боги все всё видят и с вами поступят так же.

Это выглядело настолько пафосно и лживо, что я чуть не рассмеялась, несмотря на боль в спине. Но это сработало! Ему кинули краюху хлеба, а кто-то из стражи и вовсе просунул миску с остатками похлебки. И он съел это быстро под наши завистливые взгляды.

И так он сделал и на следующий день. Кто-то из обитателей нашей клетки попытался также выступить с речью, но стража тут же заткнула их, припоминая, что у них есть судимости за страшные дела.

Этот почему-то не пахнущий мужчина выступал не каждый раз, то ли он понимал, кто может сжалиться и дать похлебку, а следовательно, знал, кто тут работает, то ли у него имелась другая причина. И в днях, полных бездействия в ожидания еды, я решила поучиться у него – попробовать устроить такой же театр. Встала, как он, на то же место и запричитала. Копировала его интонации, плакалась в голос.

Тишина. Никто даже не обернулся.

Я поняла, что это наука. И она мне пригодится. И стала тщательнее наблюдать за удачливым попрошайкой.

Прошло еще несколько дней.

Я узнала его имя – Руди. И запомнила тех, кто мог ответить на мольбы. И даже один раз получила дополнительную порцию. Мое новое тело перестало болеть, в нём даже появилась какая-то странная легкость, словно я могла бегать быстрее или прыгать выше, но не рискнула проверить.

Казалось, что жизнь налаживается.

Но вот за Руди пришли. Дверь открыли, сказав, что десять дней халявы хватит, пора и честь знать. Он, кряхтя, вышел из клетки. Я поняла: это мой последний шанс. Не из-за жалости, а из-за того, что он единственный в этом мире, кто показался мне не просто куском мяса, а человеком с мозгами и нестандартным подходом к жизни.

Я кинулась вперед и вцепилась ему в ногу. Вцепилась мертвой хваткой, как клещ, обхватив щиколотку руками.

– Наставник! – заорала я в голос, навзрыд. – Не бросайте меня! Я без вас пропаду! Не оставляйте меня здесь, наставник!

Стражник попытался оторвать меня пинком, но я висела. Тогда в ход пошел кнут. Первый удар обжёг спину, разрывая тонкую ткань. Второй – просто адская боль, почти до крови. Я взвизгнула, но рук не разжала. Я знала, что это больно, но знала и то, что, если сейчас отпущу, то меня либо убьют, либо сгнию в этой дыре.

Третий удар... четвертый...

– Да заберите вы эту падаль с собой! – рявкнул стражник.

И меня, всё еще вцепившуюся в ногу мужика, вышвырнули на улицу.

Руди шел, хромя, и злобно шипел на меня.

– Отвали! – брызгая слюной, крикнул он. – Ты зачем это устроила? Мне такая обуза даром не сдалась! Я сам еле ноги таскаю!

Я молча плелась за ним. Он сворачивал к заборам, я – за ним. Один раз он шмыгнул в тупичок, за угол, явно надеясь, что отстану. Я не отстала, подбежала и обнаружила, что он... ну, справляет нужду. Я деликатно отвернулась, а когда обернулась, его и след простыл. Метнулась по улице, увидела его тень за углом и снова припустила. Так повторялось несколько раз.

Наконец, он остановился, тяжело дыша, и уставился на меня.

– Ты... Ты чего прицепилась? Я же сказал, мне никто не нужен. У меня ни кола, ни двора. Перебиваюсь с воды на сухарь.

– Мне без вас не выжить, – выдохнула я, держась за бок. – А я вам пригожусь. Честно.

Он окинул меня взглядом. Тощую, грязную.

– Пригодишься, – хмыкнул он. – Кому ж ты такая дохлая нужна? Продать и то, поди, дорого не возьмут.

Но он сдался. Мы пошли к реке. И честно говоря, когда мы подошли к воде, я подумала: «Вот сейчас он меня и утопит». Но старик покопался под камнями, что-то пошептал и достал заначку: кусок мыла, половину черствой буханки и жестяную кружку.

Он зачерпнул воды, отломил кусок хлеба, размочил его и протянул мне. Я съела, чуть не подавившись. Запила водой из той же кружки.

– Работай, – коротко бросил он, снимая с себя рубаху и штаны. – Постирай.

Вода в реке ледяная, но я терла его одежду этим куском мыла, пока руки не покраснели и не перестали чувствовать холод. Терла долго, до ломоты в плечах, но спиной чувствовала его взгляд. Он сидел на берегу, закутавшись в какое-то тряпье, и следил за мной.

Когда я, шатаясь от усталости, выползла на берег с мокрой, но чистой одеждой, он даже не притронулся к ней, просто махнул рукой.

И тут я увидела магию.

Воздух вокруг вещей закрутился, стал плотным, и через пару минут рубаха и штаны стали абсолютно сухими. Он оделся и кивнул на мои лохмотья.

– Свою теперь постирай. Только переодеть тебя не во что.

Свое тряпье стирать я не стала.

Мы прошли еще с километр вдоль реки. Он нашел еще один схрон: пара медяков, снова сухарь и старая, разошедшаяся кружка.

– Не надо все всё в одном месте хранить, – пробурчал он поучительно. – Найдут – и всё пропало. А так – понемногу, но что-то да останется.

– Яйца в одну корзину не кладут, – машинально ответила я старой поговоркой.

Он резко остановился и уставился на меня. Взгляд у него стал цепким, колючим.

– Ишь ты... – протянул он. – Схватываешь. Умная.

В сумерках мы сидели у воды, жевали тот самый сухарь. И тут он взял мою руку, ту самую, которую я стерла в кровь о холодную воду и мыло, и повернул к свету. Царапины, возникшие

пару часов назад, почти затянулись. Синяки от ударов кнутом на спине, судя по ощущениям, уже не болели, а только чесались, как заживающие.

Руди посмотрел на меня долгим и внимательным взглядом, от которого мне стало не по себе.

– Ты что... – голос его сел до шепота. – Лекарь?

Это слово прозвучало как приговор. Или как мой счастливый билет. Судя по тому, как изменилось выражение лица с брезгливого на хищное, всё только начиналось.

– Лекарь? – переспросила я, чувствуя, как от его взгляда по спине побежали мурашки. – Что это значит?

Вместо ответа он вдруг схватил мою левую руку, резко дернул мизинец – и хрустнуло.

– Ай! Твою ж дивизию! – заорала я не своим голосом.

Боль прострелила руку, перед глазами поплыли круги. Я попыталась вырваться, но он держал мертвой хваткой. Палец распухал прямо на глазах, кожа натянулась, пошла красными и синими разводами.

– Сиди тихо! – рявкнул он. – Нужно проверить.

– Да пошел ты со своей проверкой! – прошипела я, вытирая слёзы здоровой рукой. – Думать сначала надо, прежде чем людям кости ломать!

Но руку я всё-таки забрала и, преодолевая боль, принялась ее рассматривать. Автоматически. Привычка, вьевавшаяся в кровь за сорок лет работы.

Вывих основной фаланги мизинца без смещения – определила я на глаз, осторожно прощупывая пальцами здоровой руки. Отек нарастает быстро, гематома формируется, пульсация в пальце сохранена, – значит, сосуды целы. Движения ограничены из-за боли, но пассивно сгибается – сухожилия не задеты. Хорошо, хоть не открытый и не осколочный.

– Ну, что смотришь? – спросил Руди, наблюдая за мной с каким-то странным интересом. – Разбираешься?

Я не ответила. В голове уже крутился стандартный протокол действий при переломах, который я сотни раз выполняла и сама, и подсказывала молодым интернам.

Иммобилизация. Холод. Обезболивание. Покой.

– Дай сюда, – я выхватила у него из рук кружку и приложила к пальцу.

Холодно.

– Ты чего творишь? – опешил он.

– Холод нужен, чтобы отёк не рос, – буркнула я, прижимая медную кружку к распухшему пальцу. – И фиксация.

Я огляделась. Вокруг голая земля, река, камни. Ни бинтов, ни даже чистой тряпки. Кроме...

Я аккуратно, стараясь не причинять лишней боли, примотала больной палец к здоровому безымянному оторванными от рукава кружевами. Потом огляделась, подобрала с земли тонкую, но крепкую веточку, приложила вдоль пальца и примотала сверху той же тканью. Получилась грубая, но функциональная шина. Палец зафиксирован, кости не должны сместиться.

– Для полного счастья мне нужен покой на пару дней, – пробормотала я, разглядывая свою работу. – И обезболивающее бы... но где ж его взять.

– Ты где так научилась? – тихо спросил Руди.

Я подняла на него глаза.

– Жизнь научила, – коротко буркнула я.

Он помолчал, потом кивнул на палец:

– А теперь попробуй его заживить магией, раз ты такая умная.

– Что? – я даже забыла про боль. – Как? Я даже не знаю, что это такое!

– Ты же чувствуешь в себе что-то? – он подался вперед. – Энергию, силу? Все лекари ее чувствуют. Сосредоточься и направь силу в палец.

Я закрыла глаза. В теле и правда чувствовалось странное тепло, какая-то пульсация, которую я сначала приняла за обычное сердцебиение. Но сейчас, прислушавшись, поняла – это другое. Словно внутри меня течет светящийся ручеек, независимый от дыхания и пульса.

– Я не знаю, как это делается, – прошептала я честно.

– Объясняю для умных, но тупых в магии, – фыркнул он. – Я воздушник. Для меня магия – это ветер, потоки, движение. Твоя магия другая. Ты должна чувствовать тело. Представь, что внутри пальца есть энергия, и дай ей больше, направь туда, как будто наливаешь воду в сухую ямку.

Я попыталась. Честно попыталась. Сидела, сжимая замотанный тряпкой палец, и представляла всякие «воды» и «потоки». Но вместо магии в голову лезли совсем другие мысли.

Покой. Иммобилизация. Холод. Первые сутки самые важные. Если кость встанет неправильно, потом придется ломать заново. Надо следить за цветом кожи: посинение скажет о нарушении кровообращения. Если начнется онемение кончика пальца, значит, повязка слишком тугая.

– Ты чего застыла? – вывел меня из размышлений голос Руди.

– Думаю, – ответила я, не открывая глаз. – Анализирую.

– Анализировать будешь потом. Лечить надо!

– Лечение уже начато, – отрезала я. – Иммобилизация проведена, холод приложен. Сейчас главное – не навредить. Магией своей я всё равно пользоваться не умею, так что пусть пока работает обычная медицина.

Руди уставился на меня с таким выражением, будто я только что заговорила на древнеэльфийском.

– Ты... ты странная, – выдал он наконец.

– Я медсестра, – ответила я. – Бывшая.

Руди не понял. Конечно, не понял.

Откуда ему знать, что такое медсестра?

Но вопросов задавать не стал, только покачал головой и буркнул что-то про ненормальных попрошайек.

– Ладно, – протянул он, зевая. – Давай спать. Утром посмотрим, что с твоей магией и с твоим пальцем.

***

Ночь я провела, свернувшись клубком на жесткой земле, прижимая больную руку к груди. Палец пульсировал, ныл, не давая уснуть. Я то и дело проверяла повязку – не сползла ли, не передавила ли. Щупала палец здоровой рукой, – отёк вроде не увеличивался, температура местная не повышалась, значит, воспаления нет. Хорошо.

В какой-то момент, сквозь дрему, я вдруг почувствовала тот самый внутренний ручеек, который сам, без моей команды, потянулся к месту боли. Стало тепло и спокойно. Я не мешала, просто наблюдала, как тепло растекается по пальцу, укутывая его, словно ватой. И под это тепло я незаметно уснула.

Утром меня разбудил тычок в бок.

– Вставай, соня. Показывай, что там у тебя.

Я села, размотала тряпку и... Палец выглядел абсолютно здоровым. Я пошевелила им – никакой боли, никакого дискомфорта. Сгибается, разгибается, чувствительность полная, как будто вчера и не ломали.

– Ни фиги себе, – выдохнула я.

Руди довольно ухмыльнулся:

– Я же говорил. Ты лекарь, девочка. Маг жизни. Теперь ты моя золотая жила.

Утром, когда я налюбовалась своим зажившим пальцем и в сотый раз проверила его на подвижность, Руди не стал тратить время на сантименты.

– А теперь лечи меня, – велел он.

Даже не попросил – приказал тоном, не терпящим возражений.

– Как? – я растерянно моргнула. – Я ж не знаю, как это делать осознанно. Ночью оно само как-то...

– Само оно только у покойников бывает, – перебил он. – Ты теперь моя ученица. Я твой наставник. И если ты хочешь жрать, а недохнуть под забором, будешь делать то, что говорят.

Я отшатнулась. Спорить с ним после вчерашнего перелома и сегодняшнего чуда как-то не тянуло. Но подчиняться при таком отношении я не планировала. Зачем мне становиться безвольной «золотой жилой»?

Я отступила от него еще на шаг и с вызовом спросила:

– Я тебя даже не знаю. Ты меня вчера прогонял и сломал мне палец. С чего мне тебя слушаться?

Он ухмыльнулся, сделал шаг навстречу мне. Я опять отшагнула, показывая всем видом, что еще шаг, и я убегу.

Он вздохнул, успокоился и примиряюще пригласил сесть на камни.

– Хорошо, – он устроился поудобнее, морщась от боли в спине, – ты должна знать, кто я такой, и почему мы с тобой, вообще, оказались в одной клетке. Что ж, слушай.

И он рассказал.

Звали его Рудольф Фальк. Когда-то, лет двадцать назад, он был никем – простолюдином из захолустной деревни, где магией даже не пахло. Но в нём проснулся дар. Воздушник. Не аристократических кровей, не обученный с пеленок, а самородок, который пробивался сам.

– Я хотел быть сильнейшим, – усмехнулся он, глядя на реку. – Глупый пацан. Думал, если есть магия, то весь мир у ног. Нанимался в отряды, ходил на вылазки, дрался с тварями, выслуживался перед теми, кто платил. Зарабатывал неплохо. Даже думал, что скоплю денег, куплю дом, жениться смогу. Идиот.

Он помолчал. Я не перебивала.

– Потом попался на глаза одному аристократу. Барону местному. Нанял он мой отряд, пообещав хорошие деньги. В каком-то старом лесу зверье расплодилось, людей жрало. Мы пошли. И попали в засаду. То ли звери там стали непростыми, то ли магией их кто-то натравил, то ли сам барон подставил, чтобы не платить, – теперь уже не узнаешь. В общем, выжил я чудом. И то не полностью.

Рудольф снял рубаху, и я увидела шрамы. Старые, рваные, плохо зажившие. Они тянулись от ключицы вниз и по спине уходили под лопатку. Такие раны я видела в своей практике после нападений собак, после аварий, после неудачных операций. Но здесь они заросли неправильно – бугристыми келоидными рубцами, которые наверняка тянули кожу, мешали двигаться, болели при каждом движении.

– Барон, когда узнал, что я жив, оплатил лечение, – продолжил Руди с горькой усмешкой. – Но такое, чтобы не сдох. Самый дешевый вариант. Лекарь пришел, травок дал, мази, пару раз магией мазнул – и всё. На большее денег не дали. А я и так не при деньгах оказался, всё в этом походе оставил. Вот и получилось, что раны затянулись, но неправильно. Тело с тех пор плохо работает. Спина не гнется, рука иногда немеет, а магия...

Рудольф махнул рукой в воздухе, и я действительно почувствовала неслабый ветерок.

– От моей силы остались крохи. На то, чтобы сухари сушить, хватает. А на нормальную работу – нет.

– Почему не пошел к другим лекарям? – спросила я. – Накопил бы...

– Ха! – он рассмеялся, но смех вышел злым.

– Ты знаешь, сколько стоит приём приличного лекаря? Даже самого завалящего, без лицензии? А лекари при аристократах вообще к простым не ходят. Это же штучный товар. Их

с рождения растят, учат, они потом всю жизнь на один род работают. Передаются по наследству, как вещь, – добавил он задумчиво.

– Сытно, безопасно, но ни капли свободы. А те, кто послабее, в госпиталях сидят. Там цены закачаешься. Простой человек за всю жизнь разве что на один приём накопит. А чтобы в таком госпитале работать, нужна лицензия, обучение в академии, куча бумаг с печатями. Деньги и связи, короче.

– А если безо всего? – спросила я. – Просто лечить по-тихому?

Руди посмотрел на меня с интересом.

– Можно. Если есть крыша. Или если ты кочевник. Пришел в город, подлечил кого-то за деньги, ушел – и ищи ветра в поле. Но тут проблема: увидят, что ребенок лечит, и могут захотеть тебя... э-э... прибрать к рукам. Силой. Или хитростью. Ты девочка, маленькая, слабая. Тебя украсть – раз плюнуть. И будешь ты тогда всю жизнь на какого-нибудь жирного купца работать, без денег, без воли, как рабыня.

Я поёжилась. Перспектива так себе.

– Поэтому, – подвел итог Руди, – надо разработать стратегию. Не сидеть на месте. Переходить из города в город, из деревни в деревню. Зашли, подзаработали, смотались, пока никто не понял, что выгодно тебя украсть. Или пока лекари местные не заинтересовались, откуда конкуренция.

– Как цыгане, – кивнула я.

– Кто? – не понял он.

– Люди такие... кочевые. В таборах живут, по городам ездят, гадают, поют, лошадей воруют. Тоже нигде не оседают.

– А, – он пожал плечами. – Ну да, похоже. Только у нас не табор, а два человека. Одна – ребенок, который ничего не умеет, и старый покалеченный маг, который тоже не умеет почти ничего.

Я задумалась.

В прошлой жизни я привыкла к стабильности. Работа, дом, поликлиника, одни и те же лица.

А теперь кочевать? Прятаться? Бояться, что украдут?

С другой стороны, а что я теряю?

В прошлой жизни я умерла одна. В этой пока жива, и даже палец залечился. Уже прогресс.

– Значит, план такой, – начала я, собравшись с мыслями. – Идем в ближайший город. Ты ищешь клиентов – таких, которым нужна помощь, но которые не сдадут нас властям и не попытаются украсть ребенка-лекаря. Я пробую лечить магией под твоим руководством. Получаем деньги, покупаем еду, нормальную одежду и... – я запнулась, вспомнив, чего мне не хватало все эти дни. – И мыло. Много мыла. И щетку. И нормальную обувь. И, боги, мне нужна расческа.

Руди уставился на меня с непередаваемым выражением лица.

– Ты вообще ребенок или кто? – спросил он, наконец. – Говоришь, как старая баба... Ладно, тогда давай лечи меня, пока не пришли в город. Если получится, хоть знать будем, на что ты способна.

– Но я же не знаю как! – запротестовала я.

– А ты попробуй, – настоял он, повернулся ко мне спиной. – Просто положи руки и представь, что внутри тебя тот самый ручеек. И направь его в меня.

Я медленно подошла. Шрамы застарелые, с грубой рубцовой тканью. В моей практике такое уже не лечится – только хирургически иссекать, да и то не факт, что поможет. Но у меня теперь не скальпель, а магия.

Я закрыла глаза, положила ладони на его спину и попыталась найти тот самый внутренний поток. Он откликнулся сразу теплой волной, которая потекла откуда-то из груди в руки.

– Ох, – выдохнул Руди. – Чувствую. Давай, девочка, давай...

Я не знала, что делаю, просто держала руки и позволяла этому теплу течь. Представляла, как разглаживаются старые рубцы, как уходит боль, как ткани становятся эластичными и живыми, как будто я не швы накладываю, а рисую здоровье.

Через минуту меня начало пошатывать. В глазах потемнело.

– Хватит! – рявкнул Руди, стряхивая мои руки. – Хватит, сказал! Ты сейчас в обморок упадешь, а мне **тебя тащить**?

Я опустилась на землю, тяжело дыша. В голове шумело, руки дрожали. Но Руди сидел удивительно прямо и осторожно поводил плечами.

– Зараза, – проворчал он тихо. – Уже лет десять так не мог спину разогнуть. А ты...

Руди обернулся и посмотрел на меня. Взгляд у него показался мне странным – смесь удивления, жадности и чего-то похожего на надежду.

– Ты даже не представляешь, сколько ты теперь стоишь, девочка, – прошептал он. – И, надеюсь, никогда не узнаешь на своей шкуре.

– Почему? – спросила я, все всё еще пытаюсь отдышаться.

– Потому что те, кто узнают, обычно долго не живут. Или живут, но в золотой клетке, где даже в туалет без охраны не сходят.

Я промолчала. Но внутри поселился холодок. Кажется, моя вторая жизнь будет еще интереснее, чем первая.

Глава 2. Первый пациент

Когда мне стало легче, я еще немного подержала руки на спине наставника. Совсем чуть-чуть, Руди следил, чтобы я не вырубилась снова. Но даже эти минуты дали результат: он двигался заметно легче, морщился меньше, и в глазах появилось что-то живое.

– Хватит, – остановил он меня, когда я в очередной раз потянулась к нему. – Хватит, я тебе говорю. Идем.

Мы прошли вдоль реки еще немного, и он откопал еще один схрон. Последний, как оказалось. Под камнями лежала пара медяков, дубовая горбушка и жестяная кружка с почти дырявым дном, которую он всё равно бережно завернул в тряпку.

– Всё, – проворчал Руди, пряча монеты в карман. – Заначки кончились. Дальше будем жить тем, что заработаем. Или сдохнем.

– Оптимистично, – буркнула я.

– Реалистично, – поправил он.

С этими словами мы двинулись к городу.

Город назывался как-то невыговариваемо, я даже не пыталась запомнить. Для меня он стал просто первый город в новой жизни.

Руди перед входом схватил меня за плечо и зашипел в ухо:

– Молчи. Поняла? Вообще, молчи. Рот открываешь, только если я скажу. Ходишь рядом, глаза в пол, ни на кого не смотришь, никому не улыбаешься, никому не помогаешь. Ты моя глухонемая племянница. Поняла?

– Поняла, – кивнула я.

– Молчать – значит молчать! – рявкнул он. – Даже не кивай, когда разговариваю.

Я закатила глаза, но спорить не стала. В конце концов, он тут местный, ему виднее.

Город оказался неожиданно большим. Узкие улочки, каменные дома в два-три этажа, вонь от помоек, крики торговцев, грязь под ногами – классическое средневековое, которое я тысячу раз видела в кино. Но в кино оно как-то романтичнее выглядело, а на деле просто воняло.

Руди уверенно вел меня куда-то, изредка останавливаясь и приглядываясь к прохожим. Он кого-то искал или высматривал. Я молчала, как велено, но краем глаза отмечала всё: где стоят стражники, какие улицы оживленнее, откуда пахнет едой.

Сначала он зашел к какому-то торговцу, и на все наши медяки купил две буханки хлеба. Черствого, подгоревшего, но хлеба. Я сглотнула слюну, но Руди тут же запихнул буханки в карманы своего балахона.

– Не здесь, – буркнул он. – Потом.

Мы пошли дальше. Я уже начала подумывать, что он просто водит меня кругами, когда он остановился у покосившегося дома на окраине и постучал в дверь.

Дверь открыла изможденная женщина с красными глазами.

– Чего надо? – спросила она без интереса.

– Слышал, у тебя дитя болеет, – начал Руди голосом, каким цыгане заговаривают зубы на вокзалах. – Дай посмотрю. Я знающий, по дешевке лечу. Если не поможет – не возьму ничего. А если поможет – договоримся.

Женщина посмотрела на него с сомнением. Еще бы – оборванец с длинной бородой, сзади девчонка такая же оборванная. Но, видимо, отчаяние пересилило.

– Заходи, – махнула она.

Внутри пахло болезнью. Тем кислым, тяжёлым запахом, который я за сорок лет научилась различать за версту. Запах пота, несвежего белья и застоявшейся мокроты.

На топчане в углу лежал мальчик лет семи-восьми, худой до прозрачности, с лихорадочным румянцем на щеках. Он кашлял сухо, надрывно, до хрипов в груди.

– Давно болеет? – спросил Руди.

– Вторую неделю, – всхлипнула женщина. – К лекарю ходили, всех денег лишились, а ему всё хуже. Говорят, не жилец.

Я подошла ближе. Руди дернулся, словно хотел меня остановить, но я уже смотрела на мальчика и слушала его дыхание. Одышка. Бледность. Потливость. Кашель сухой, приступообразный. Температура наверняка высокая. И этот запах...

– Воды и тряпок, – приказала я тихо, но твердо, обращаясь к женщине. – Чистых. Быстро.

Женщина метнулась выполнять, даже не удивившись, что заговорил ребенок. Руди бросил на меня уничтожающий взгляд, но я проигнорировала.

Как только принесли воду и какую-то относительно чистую холстину, я разорвала ткань на полосы и быстро соорудила себе повязку на лицо, закрыв рот и нос. Потом протянула такой же кусок Руди.

– Надень, – потребовала я.

– Чего? – опешил он.

– Это заразно, – пояснила я, уже склоняясь над мальчиком. – Воздушно-капельным путем передается. То есть, если он кашляет, а ты дышишь, то заболеешь тоже.

Руди, к его чести, сообразил быстро, переспрашивать не стал, просто нацепил повязку так же, как я.

Я осторожно ощупала мальчику шею – лимфоузлы увеличены. Посмотрела цвет кожи, заглянула в рот, послушала дыхание, приложив ухо к груди. Влажные хрипы в нижних отделах легких, ослабленное дыхание справа. Температура явно высокая, но градусника нет. Кашель мучительный, с трудноотделяемой мокротой. Мокрота – вот что важно. Если она с кровью, тогда совсем плохо.

– Давно кашляет? – спросила я у женщины. – Дней пять? Температура держится постоянно или скачет? Ночью потеет?

– Изначально он просто кашлял, думали, простуда, – запричитала женщина. – А потом температура поднялась и уже не падает. Худеет, сил нет. А ночью... ночью мокрый весь просыпается, хоть выжимай.

Я выпрямилась. Картина складывалась классическая. Либо запущенная пневмония, либо туберкулез. Скорее первое.

– Ты что-то поняла? – тихо спросил Руди, подойдя ближе, но повязку не снимал.

– Почти, – так же тихо ответила я. – Нужно подумать.

Я положила руки на грудь мальчика. Не для магии – пока просто для концентрации. Но тепло внутри отозвалось само, потекло в ладони, а оттуда – в ребенка. Я не стала сопротивляться. Пусть течет. Главное – не переборщить, как со спиной Руди.

Минута, другая. Я почувствовала, как магия уходит в легкие, как что-то там меняется. Но это всего лишь капля в море. Чтобы вылечить пневмонию, явно нужно больше, а лучше – антибиотики. А у меня только руки и непонятная сила.

– Хватит, – услышала я голос Руди. – Ты зеленая уже. Отходи.

Я убрала руки и чуть не упала. В глазах потемнело, пришлось опереться на стену. Но мальчик... мальчик дышал ровнее. Кашель прекратился, он открыл глаза и посмотрел на меня осмысленно.

– Мам, – прошептал он. – Есть хочу.

Женщина разрыдалась.

Руди мгновенно взял ситуацию в свои руки:

– Мы сделали, что смогли, – проговорил он женщине, подхватывая меня под локоть и таща к выходу. – Завтра зайдем, проверим. Если полегчает, готовь деньги. Немного, посильно. А пока не радуйтесь раньше времени.

И мы вышли.

Руди тащил меня быстро, почти бегом, сворачивая в какие-то подворотни, пока не вывел к реке, подальше от города. Там он, наконец, содрал с лица повязку и уставился на меня.

– Что за ерунда? – спросил он, тяжело дыша. – Что за маска? Ты чего творишь? Что за странные слова – «воздушно-капельным путем», «пневма... что-то»? Ты вообще кто?

Я смотрела на воду и собиралась с мыслями. Руди стоял напротив и сверлил меня взглядом.

– Ну? – жестко поторопил он. – Я жду. Рассказывай, кто ты такая, откуда знаешь такие слова, и почему я должен рисковать своей шкурой, таская тебя за собой?!

Я усмехнулась. Шестьдесят два года жизни, сорок из них в медицине, работа с людьми, когда за смену приходилось отбиваться и от пациентов, и от их родственников, и от начальства.

И этот оборванец думает, что меня можно взять на понт?

– Слушай сюда, Руди, – сказала я спокойно. – Ты хотел правду? Получишь. Но сразу предупреждаю: информация секретная, и, если ты решишь, что меня выгоднее сдать или продать, я найду способ сделать так, что ты об этом пожалеешь. Я не девочка для битья. Я пережила столько, что тебе и не снилось. Поэтому сиди и слушай, а вопросы задашь потом.

Он опешил. Видимо, не ожидал такого тона от «ребенка». Ну и правильно, пусть приывает.

– Меня зовут Эльза, – начала я. – Шестьдесят два года. Бывшая медсестра, сорок лет стажа. Трижды пыталась стать врачом, но не сложилось – сначала семья, потом дети, потом муж, который решил, что его карьера важнее. Всю жизнь я заботилась о других, а когда рухнула с инфарктом прямо на улице, рядом никого не оказалось. Умерла я там, под забором, одна. И это, между прочим, очень отрезвляет.

Руди слушал, не перебивая. Глаза у него стали круглыми.

– А потом я очнулась здесь. В этом теле. Что это – переселение душ, божья воля или глюки умирающего мозга? Понятия не имею. Но факт остается фактом: я помню свою прошлую жизнь в другом мире, где магия встречается только в сказках. Помню каждую болезнь, которую видела. Помню, как лечить пневмонию, как отличить туберкулез от бронхита, как делать искусственное дыхание и останавливать кровотечение. И да, я знаю, что такое воздушно-капельный путь, антибиотики и личная гигиена. У вас тут магия, а у нас медицина, бесполезная в этом мире, потому что лекарств нет, но голова у меня всё еще работает.

– И давно ты здесь? – спросил он хрипло.

– Неделя примерно. Очнулась под забором, чуть не сдохла с голоду, украла булку, попала в тюрьму, прицепилась к тебе. Дальше ты знаешь.

– И много ты умеешь? Этой твоей медицины, – он запнулся.

– Я медсестра, – ответила я. – Я сорок лет видела, как заживают раны. Как срстаются кости. Как организм борется с инфекцией. Ваша магия – это просто инструмент. Как скальпель или игла. Я не знаю, как она работает технически, но я знаю, какой должен быть результат. И это, кажется, важнее.

Я посмотрела на него в упор.

– Теперь твоя очередь. Ты хотел правду – ты ее получил. Вопрос в том, что ты с этой правдой будешь делать? Продать меня? Так попробуй сначала – я тебе так спину поправлю, что ты вообще встать не сможешь. Сдать властям? А кто поверит бомжу с длинной бородой, который утверждает, что нашел переселенку душ? Оставить при себе? Вариант разумный. Я тебя лечу, ты меня прикрываешь. Мы друг другу нужны.

Руди молчал долго, смотрел то на меня, то на реку, а потом вдруг усмехнулся:

– А ты зубастая. В тюрьме сидела тише воды, ниже травы. Прикидывалась?

– Прикидывалась, – кивнула я. – В тюрьме надо быть тихой, пока не поймешь, кто тут главный. Я поняла. Теперь разговариваем по-честному.

– И что, не боишься, что я тебя прямо сейчас... – он не договорил, но жест вышел красноречивый.

– Боюсь, – честно ответила я. – Но, если ты решишь меня убить, – значит, я в тебе ошиблась. А я в людях редко ошибаюсь. Слишком долго с ними работала. Ты, Руди, злой, битый, усталый, но не подлец. Подлецы в тюрьме себя так не ведут. Они других топят, чтобы выжить, а ты просто играл на публику, чтобы получить лишний кусок. Это разные вещи.

Руди долго смотрел на меня, потом вдруг расхохотался:

– Ну и дела! Ко мне в клетку подкинули не просто лекарку, а бабу с яйцами из другого мира! И что мне теперь с тобой делать?

– Я же предложила: работать вместе, – пожала я плечами. – Ты местный, знаешь расклады. Я умею лечить и немного шарю в людях. Давай придумаем, как на этом заработать, и перестанем жрать сухари у реки.

Руди достал из кармана вторую буханку, разломил и половину протянул мне.

– Ладно, – хмыкнул он. – Допустим, я поверил. Тогда объясни, умная ты моя, что делать с тем пацаном? Идти туда завтра или сваливать, пока не подхватили заразу?

– Идти, – ответила я, принимая хлеб. – Во-первых, я обещала. Во-вторых, если он умрет, а мы не попробовали помочь, то совесть потом грызть будет. В-третьих, если вылечим, то у нас будут деньги и, возможно, благодарные клиенты. А в-четвертых... – я усмехнулась, – я сорок лет работала с заразными больными и редко заражалась, потому что знаю технику безопасности. Маски, мытье рук, проветривание. Научу тебя. Не помрешь.

– А если твоя магия не сработает? – прищурился он.

– Значит, будем думать дальше, – отрезала я. – Я привыкла решать проблемы по мере их поступления. Пациент есть – надо работать. А бояться и ныть – это не ко мне.

Руди покачал головой, но в глазах у него появилось что-то похожее на уважение.

– Ладно, – проворчал он. – Завтра пойдем. А сейчас жри давай и отдыхай. Завтра тяжёлый день будет.

Я откусила хлеб и улыбнулась своим мыслям: «Ну что ж, похоже, мы договорились. Старый битый маг и старая битая медсестра в детском теле. Определенно, это будет веселая команда».

Глава 3. Пациенты

На следующий день я подлечила мальчика. Не чудом, конечно, – пневмонию за день не вылечишь даже магией. Но температура спала, кашель стал влажным и продуктивным, а мальчишка впервые за месяц стал румянее. Мать рыдала и рвалась отдать последнее.

Последнего у них нашлось немного. Десять медяков, краюха хлеба, старая, но чистая рубаха, которая мне оказалась велика размера на три, да пара луковиц.

– Берите всё, – всхлипывала женщина. – Люди добрые, берите, я ж всю жизнь молиться буду...

Руди поморщился, но добро взял.

А потом, когда мы уже выходили, женщина вдруг схватила его за рукав:

– Погодите! Я ж соседям расскажу! У нас тут Марфа с дочкой мается, третью неделю девочка не встает, и кузнец, у него нога загноилась, и старая Агата совсем плоха...

– Хорошо, но только проверенным рассказывай! – рявкнул Руди, но, похоже, стало уже поздно.

На следующий день, когда мы снова пришли к мальчику, у входа нас уже ждали. Человек пять. Кто с надеждой, кто с любопытством, а кто и с подозрением.

– Слышал я, лекарь тут появился, – прогудел мужик с перевязанной рукой. – Задешево лечит. Ну-ка, глянь мою руку.

Я внутренне вздохнула. Началось.

Я работала быстро, четко, по-медицински: гнойную рану промыла (хорошо, что в доме нашелся спирт), обработала, наложила повязку, велела прийти завтра. Девчонку с аллергической сыпью осмотрела, полечила магией и рассказала, что это реакция на какую-то еду, посоветовала подумать, что необычного ели, и больше такого девочке не давать. Старухе с больными суставами просто подержала руки, магия сама потекла, облегчая боль.

К вечеру четвертого дня у дома первого пациента, импровизированного «приёмного покоя», собиралось уже человек по десять. Я работала, как заведенная, Руди стоял на стреме и отгонял совсем уж настырных.

А на пятый день пришел тот самый разговор, которого он боялся.

– Слышь, Руди, – окликнул его мужик, которого я подлечила пару дней назад. – А ты ж вроде воздушник, я тебя помню, ты в отряде Бородача ходил лет десять назад. Какой из тебя лекарь? Откуда у тебя девка эта?

Руди внутренне похолодел, но вида не подал.

– Ученица, – буркнул он. – Талантливая. Я ее учу, она мне помогает. Много знаю, научился, пока путешествовал, сам понимаешь.

Мужик посмотрел с сомнением, но отстал.

Однако вечером того же дня Руди отвел меня в сторону и шепнул коротко:

– Сматываемся. Сегодня же ночью.

– Что случилось? – я сразу включилась, по глазам прочитала – дело серьезное.

– Меня узнали. Воздушника, а не лекаря. Если начнут копать, быстро поймут, что ты лечишь сама. А тогда... – он махнул рукой. – Сама знаешь. Либо украдут, либо заставят работать на кого-то, либо убьют, чтобы другим не досталась. У нас нет крыши, Эльза. Нам нельзя светиться.

– Согласна, – кивнула я без лишних слов. – Собираемся.

За пять дней мы накопили немного. Но самое ценное в другом: старые вещи, которыми расплачивались благодарные бедняки. Две почти целых сумки, заштопанный теплый плащ, пара сменных портянок и даже почти новые башмаки, в которые мне пришлось напихать тряпок, но всё равно лучше, чем босиком.

Я свои «гонорары» тратила с умом. Перед побегом мы заскочили на рынок.

– Дайте мне расческу. Самую дешевую, но с частыми зубьями. Спирт. Нет, не питьевой, а тот, который для чистки ран. Вот этот, в мутной бутылке. Иголки. Десять штук, самых тонких. Нож – вот этот, маленький, видите, тонкое лезвие? И ткань. Белую. Самую простую, но чистую. Два метра.

Руди смотрел на это с непередаваемым выражением лица.

– Ты зачем спирт купила? Пить будешь?

– Дезинфицировать, – буркнула я, пряча покупки в сумку. – Инструменты. Раны. Руки. В вашем мире грязь – главный убийца, Руди. Если я буду лечить грязными руками, пациенты будутдохнуть от заражения, а не от болезней. А мне репутация нужна.

– А иголки?

– Раны зашивать. Тонкие – чтобы шрамов меньше оставалось. В моём мире этим хирурги занимаются. Теперь буду я.

– А ткань?

– Бинты, – вздохнула я. – Повязки. Маски. Перевязочный материал. Ты, вообще, представляешь, что такое медицина без расходников?

Руди не представлял, но спорить перестал. После того, как он своими глазами видел, как я промыла гнойную рану, зашила ее, обработала этим самым спиртом, и рана на следующий день начала затягиваться без обычного в таких случаях воспаления, – он с готовностью признал, что в моих странностях есть смысл.

Ночью мы шли вдоль реки вверх по течению, подальше от города, подальше от лишних глаз. Шли молча, каждый думал о своем.

На рассвете остановились на привал. Руди развел костер, я достала хлеб и кусок вяленого мяса – роскошь, которую мы позволили себе только сегодня, когда опасность осталась позади.

– Долго нам так кочевать? – спросила я, жуя мясо. – Я, конечно, понимаю, что светиться нельзя, но вечно бегать – тоже не вариант.

– Вариант, – усмехнулся Руди. – Пока ты не научишься за себя постоять. И пока я не наберу силу.

Он пошевелил плечами, довольно крикнул.

– Спина почти не болит. Магия потихоньку возвращается. Еще пара недель таких подкормок от тебя – и я смогу нормально драться. Тогда уже не так страшно будет.

– А пока?

– А пока – лес, – Руди кивнул на темную стену деревьев впереди. – Сейчас начало лета. В лесу можно прожить. Охота, рыбалка, грибы-ягоды. Заодно поучишься.

– Чему? – удивилась я.

– Многому, – он посмотрел серьезно. – Ты меня лечишь, я тебя учу. Взаимовыгодно. Расскажешь мне про вашу медицину всё, что знаешь. Про то, как раны зашивать, про эту... дезинфекцию, про то, как болезни определять. Это ж золото, Эльза. Если я буду знать хотя бы десятую часть того, что знаешь ты, я смогу притворяться лекарем, пока ты лечишь настоящего. И нас не спялят так быстро.

– А ты меня чему научишь? – прищурилась я.

– Всему, – усмехнулся он. – Магия у тебя есть, но пользоваться ею ты не умеешь. Я научу. Лес научу понимать. Драться, если придется. В твоём мире ты была старая и больная, в этом – молодая и сильная. Пора учиться этим пользоваться.

Я задумалась. А ведь он прав. Прошлую жизнь я прожила слишком просто, работала медсестрой и всю себя посвятила семье. Даже вспомнить особо нечего. Здесь есть шанс стать кем-то другим. Тем, кто не просто помогает, а реально меняет жизнь. Тем, кого нельзя продать или украсть, потому что сама кого хочешь продам.

– Договорились, – согласилась я, протягивая руку. – Ты меня учишь своему, я тебя – своему. И никаких «я наставник, ты подопечная». Мы партнеры. Идет?

Руди посмотрел на тонкую детскую руку, потом в глаза – взрослые, колючие, с прищуром – и рассмеялся.

– Идет, – хмыкнул он, пожимая руку. – А ты действительно та еще баба, Эльза. Хорошо, что ты мне под ноги тогда бросилась.

– А то, цени это, – фыркнула я.

С первыми лучами солнца мы поднялись и пошли к лесу.

Впереди лето, полное неизвестности, опасностей и, может быть, первых настоящих побед.

Глава 4. Лес

Мы пошли в лес, который знал Руди. Там нашли заброшенную хижину. Она оказалась старой, покосившейся, но после ночевки на голых камнях у реки она казалась мне пятизвёздочным отелем. Крыша кое-где дырявая, пол проваливался, зато есть печь, пара глиняных горшков; ржавый нож, оставленный прежним хозяином; и даже пучки старых трав под потолком – пересохшие, но Руди определил, что это: полынь, тысячелистник, еще что-то, чему я не знала названия.

– Жить можно, – объявил Руди, обводя взглядом наше новое жилье. – Тут главное – печь. Ночью бывало холодно.

Я уже хотела спросить про дрова, но он вышел наружу и через минуту вернулся с охапкой сухих веток.

Маг воздуха – таскать дрова даже руками не надо, воздушным потоком подхватил и нес перед собой.

– Красиво, – признала я.

– Учись, – усмехнулся он.

В первую же ночь я поняла, почему хижина стояла пустая. За стеной кто-то сопел, чавкал, царапался. Я не спала, вцепившись в нож.

Утром Руди осмотрел окрестности и довольно хмыкнул:

– Повезло нам. Тут ёжик-скунс живет.

– И чем это повезло? – не поняла я.

– Он тут живет давно, значит, территорию метит. Хищники его запах знают и обходят стороной. Это наша бесплатная сторожевая собака. Кормить не надо, только не злить.

Я выглянула в щель. В кустах мелькнуло что-то полосатое, сердитое и явно недовольное нашим присутствием.

– А если он нас злит будет?

– Не будет, если мы его не тронем. Будем соседями.

***

Первую неделю мы просто осваивались. Руди больше лежал – я водила руками над его спиной, гоняла тепло, и он потихоньку оживал. Меньше морщился, начал двигаться еще свободнее.

– Есть хочу, – заявил он на третий день. – И мясо.

– Я тоже хочу. И что?

– Ловить надо. Но лес ты не знаешь, я слабый. Если на хищника нарвемся – не отобьемся.

– И что предлагаешь?

Он хитро прищурился и кивнул в сторону кустов, где обитал наш полосатый сосед:

– Надо попросить Вонючку о помощи.

– Ты серьезно?

– Вонючка, – объяснил Руди, – если разозлится, стреляет вонючей струей. Запах такой, что звери за версту обходят. Если мы этим провоняем, то хищники к нам не сунутся. Сможем ходить по лесу, ставить ловушки, собирать травы, пока я в норму прихожу.

– И как мы заставим его в нас стрельнуть?

– Разозлим. Немножко.

Выглядело это комично, как какое-то цирковое выступление. Мы подкрались к норе, Руди ткнул туда палкой, палка ткнула в ответ, потом чуть не вылетела из рук. Вонючка выскок, зафыркал, замахал хвостом, я для убедительности зашипела, он посмотрел на нас, как на идиотов, и стрельнул, прямо в нас.

Я думала, что умру. Воздух стал желтым и плотным. Глаза слезились, горло драло так, что дышать невозможно. Мы бежали, кашляя и матерясь, подальше от места преступления.

– Твою ж дивизию! – орала я, вытирая слёзы рукавом. – Ты чего наделал?!

– Всё по плану, – прохрипел Руди, тоже вытирая глаза. – Теперь мы в безопасности.

– Мы воняем, а не в безопасности!

– В лесу это одно и то же! – кричал он, роняя крокодильи слёзы.

***

Он оказался прав.

В следующие дни мы ходили по лесу, и звери реально шарахались. Зайцы убегали, не дожидаясь, пока мы приблизимся, птицы срывались с веток, а однажды я видела в кустах чью-то морду – то ли лисы, то ли кого покрупнее, которая понюхала воздух и мгновенно исчезла.

– Работает, – довольно заметил Руди.

Днем мы охотились, вернее, ставили ловушки и проверяли их. Руди учил меня всему, что знал сам.

– Смотри, – говорил он, приседая у тропы. – Это заячий след. Видишь, как отпечатался? Он тут прошел ночью, спешил, значит, где-то рядом его нора.

Он показывал, как читать следы, как определять по помёту, когда здесь проходило животное, как ставить силки так, чтобы поймать зайца, но не привлечь более крупного хищника.

– В лесу главное – голова, – говорил он. – Сила – это хорошо, но сила без головы долго не живет.

Я слушала, запоминала, мотала на ус.

Шестьдесят два года жизни научили меня, что учиться никогда не поздно и что любое знание может пригодиться.

Руди учил меня разделывать тушу, чтобы не пропало ничего. Шкуру – отдельно, мясо – отдельно, жир, кости – всё в дело.

– Охотник должен уметь использовать всё, – объяснял он. – Иначе ты не охотник, а убийца.

А еще он учил меня драться. Не красиво, не по правилам, а так, как дерутся те, кому надо выжить. Без чести, без благородства, без второго шанса.

– Ты маленькая, – объяснял он, когда мы сходились в тренировочных спаррингах. – Силы у тебя мало. Значит, надо бить первым, бить неожиданно и бить наверняка. Если враг большой – бей в глаза, в горло, в пах. Если враг быстрый – подножка и нож. Если врагов много – беги. Беги быстро и не оглядывайся.

Тонкий нож, который я купила на рынке, стал продолжением моей руки. Я тренировалась метать его в деревья, резать им ветки, чистить рыбу. Руди заставлял носить его постоянно, даже когда я просто собирала ягоды.

– Привыкай, – говорил он. – Чтобы рука не забывала.

Магии ветра он пытался научить меня с упорством, граничившим с одержимостью. У него возникла идея, что, если у меня получится совместить два дара, я стану неуязвимой.

– Ты лечишь – это раз, – объяснял он. – Ветром сдуваешь врага – это два. Идеальная комбинация.

– Руди, – вздыхала я, – но я не чувствую ветер. Я чувствую тело. Кости, мышцы, кровь, ткани. Ветер для меня чужой.

– Представь, что воздух – это тоже тело, что он живой. Попробуй его толкнуть, – не сдавался он.

Я пробовала. Много раз пробовала. Иногда, в редкие моменты у меня получалось чуть-чуть: листья шелестели сильнее, костер вспыхивал ярче. Но это крохи, и Руди это видел.

– Ладно, – смирился он однажды. – Может, не судьба. Но ты пробуй дальше. Вдруг получится.

А еще Руди показывал, как он работает с клинками. Воздушные лезвия врезались в воздух, кружились вокруг него, срезали ветки на расстоянии.

– Красиво, – заметила я однажды, глядя, как он тренируется.

– Полезно, – поправил он. – Когда-то давно я мог десяток таких клинков держать. Сейчас только три.

– Восстановишь, – подбодрила я его. – Я тебя вылечу.

***

Однажды ночью, лежа в хижине и глядя на звёзды через дырявую крышу, я вдруг подумала: «А почему, собственно, нет?»

В прошлой жизни я читала много книг про попаданцев. Там героини часто получали какие-то дополнительные способности – телекинез, ментальную магию, управление стихиями.

Почему я должна быть хуже?

– Руди, а магия может не только отдавать, но и брать? – спросила я наутро.

– В смысле? – не понял он.

– Ну, я лечу – я отдаю энергию. А если попробовать забрать? Из дерева, из земли, из воды? Или преобразовать одно в другое?

– Маги-вампиры есть, – ответил он. – Но их не любят. Они у людей силу тянут. А из природы... не слышал. Но ты попробуй. Ты, вообще, странная, вдруг получится.

И я попробовала.

Села под дерево, положила руки на кору и попыталась не отдать, а взять. Представила, что дерево – огромный резервуар жизни, что оно тянется корнями глубоко в землю, пьет воду, тянет соки. Попыталась представить, что я – тоже корень, маленький, но цепкий.

Ничего не вышло. Дерево молчало.

Я пробовала снова и снова. День за днем.

А на пятый день вдруг почувствовала отклик. Слабый, как эхо. Словно дерево согласилось поделиться каплей.

– Получилось, – прошептала я, открывая глаза.

Руди, сидевший рядом и чистивший рыбу, выронил нож.

– Правда? – воскликнул он. – Ты что, научилась энергию у деревьев тянуть?

– Не тянуть, – поправила я. – Брать взаймы. Преобразовывать. Теперь я могу не только лечить, но и подпитываться. Интересно, это только с природной силой или с любой? Дай попробую взять твою воздушную магию.

После этого я стала экспериментировать по ночам. Пробовала брать силу у воды, у камней, у земли. Земля откликалась лучше всего. Понемногу, каплями, но откликалась. Воздушная сила Руди сначала не давалась, но постепенно я научилась брать ее и управлять ею.

А еще я много думала о том, как усилить свое тело. В прошлой жизни я знала: для роста мышц нужен белок. Для работы мозга – жиры и углеводы. Для крепких костей – кальций. Здесь у меня водилось мясо, рыба, ягоды, орехи. Я ела за двоих, чувствуя, как новое тело наливается силой.

Но одной еды мало. Нужны тренировки.

И я тренировалась. Каждый день: бег, приседания, растяжка. Каждый день: бой с тенью, отработка ударов, метание ножа. Каждый день: попытки соединить физическую силу с магической.

***

К концу первого месяца я уже неплохо знала лес. Могла отличить след зайца от следа лисы, знала, где искать грибы, как ставить силки, чтобы поймать птицу. Руди окреп, двигался почти свободно, магия возвращалась. Он мог теперь не только вихри крутить, но и работать с большим количеством клинков.

Запах от скунса только недавно выветрился. Мы больше не провоцировали его, Руди решил, что пора учиться жить без защиты.

– Неизвестно, что будет дальше, – говорил он, когда мы шли проверять ловушки. – Ты должна быть готова ко всему. Защитить себя сама. Я не вечный.

– Будешь вечным, – буркнула я. – Я тебя вылечу.

Он усмехнулся, но ничего не ответил.

В тот день мы проверяли дальние силки. Руди шел чуть впереди, я за ним, училась читать следы. Всё казалось спокойным, даже слишком.

Я не заметила, откуда она прыгнула. Рысь, или кто-то очень на нее похожий, вылетела из кустов, сбила меня с ног, и я только тогда почувствовала боль. Острые когти, зубы, горячее дыхание и запах шерсти.

Руди что-то заорал, воздух вокруг нас взорвался, и я даже не видела, что он сделал, но зверя отшвырнуло, прижало к дереву. А я лежала и смотрела, как кровь растекается по рубашке.

– Лечи себя! – орал Руди, тряся меня за плечо. – Давай, твою мать, лечи!

Я лечила. Сама не помню как. Просто вцепилась здоровой рукой в рану и пустила всё тепло, что имелось внутри. Минута, две, три – кровь остановилась, края стянулись.

Руди сидел рядом, белый как мел.

– Я думал, ты сдохнешь, – буркнул он тихо.

– Я тоже, – ответила я.

Когда мы очухались, заметили, что рысь уже сбежала.

С тех пор я тренировалась как одержимая. Бег, нож, ловушки, наблюдательность. Та рысь стала моим личным врагом. Я поклялась, что больше никогда не буду беспомощной и при следующей встрече убью ее.

А по вечерам мы занимались другим.

– Буквы, – говорил Руди, чертя палкой на земле. – Это «А». Как атака. Запоминай.

Я смотрела на местные каракули и пыталась связать их со звуками. Получалось медленно, но я училась.

– Ты странно говоришь, – заметил он однажды. – Слова правильные, а выговор чужой.

– Я из другого мира, – напомнила я. – У нас там язык другой.

– А почему ты тогда наши слова понимаешь?

Я задумалась. Это хороший вопрос.

– Наверное, тело понимает, – ответила я, наконец. – Девочка, чьё это тело, знала язык. И читать, судя по всему, умела. А я просто... пользуюсь ее памятью.

Руди посмотрел на меня странно.

– И кто она была?

– Не знаю. Но одета неплохо, не нищенка. Может, из купеческой семьи. Может, кто побогаче.

– Ищут ее, наверное, – прикинул он.

– Наверное.

Мы замолчали. Костер потрескивал. Вонючка возился в кустах.

– Ладно, – согласился, наконец, Руди. – Будем учить слова. И твою медицину. И мою охоту. А там видно будет.

Я учила его анатомии, перевязкам, шинам, обработке ран. Он слушал жадно, переспрашивал, запоминал. Его память впечатляла, видимо, натренированная годами охоты, когда надо помнить каждую тропу, каждую ловушку, каждую повадку зверя.

– Бактерии, – бормотал он. – Значит, не порча и не проклятье, а мелкие твари, которых не видно. И их убивает спирт и кипячение.

– Антибиотики бы еще, – вздыхала я. – Но здесь их нет.

– А магией?

– Не знаю. Может, если научиться направлять силу на уничтожение конкретной заразы...

– Пробуй, – пожимал плечами он. – Вдруг получится.

Иногда, когда сил не оставалось даже на разговоры, мы просто сидели молча и слушали лес. Вонючка фыркал где-то рядом, Руди чистил нож, я перебирала травы.

– Знаешь, – сказала я однажды, – в моём мире я работала в больнице сорок лет. Сорок лет, Руди. И ни разу не чувствовала себя такой живой, как здесь.

– Странный у тебя мир, – ответил он.

– Странный, – согласилась я. – Зато безопасный.

– Скучный?

– Иногда.

Он усмехнулся и подкинул ветку в костер.

– Ну, здесь скучно не будет. Обещаю.

Я поверила.

Глава 5. Конец лета

Так прошло целое лето. И мы задумались про будущее.

– Надо запастись мясом, травами. Сделаем схроны по реке, как в прошлый раз, чтоб если что всегда могли вернуться и забрать, – сказал Руди.

– В смысле вернуться? – уточнила я. – Зимой сюда не сунешься.

– А мы и не будем зимой соваться, – усмехнулся он. – Схроны делаются на крайний случай. Если в городе всё пойдет по одному месту, если придется бежать без ничего, то у нас будет где перекантоваться, пока не найдем, что делать дальше. И потом, весной сюда же можно вернуться, проверить, что уцелело.

– Умно, – кивнула я. – Страховка.

– Чего?

– Не клади все яйца в одну корзину, – перевела я.

– А, – он хмыкнул. – Ну да. Я всегда так делал. Пока не покалечился, по всему лесу схроны оставлял. Часть нашли, часть так и осталась. До сих пор, может, где-то лежат.

– Значит, по реке сделаем. Вдоль берега, чтоб и зимой найти смогли. И не глубоко в лес, а так, чтобы с воды виднелись ориентиры.

Следующие две недели мы работали как проклятые. Охота, разделка туш, вяление мяса. Руди учил меня определять, какие куски мяса лучше, как упаковывать, чтобы звери не нашли, как выбирать места, чтобы вода не залила.

– В расщелинах надежнее, – объяснял он. – Если берег каменистый, вообще хорошо. Зверь не достанет, дождь не намочит. И сверху ветками прикрыть, чтобы птицы не видели.

Мы прошли вдоль реки километров пять вниз по течению, отмечая подходящие места. В одном месте – расщелина в скале, метрах в трёх над водой. В другом – дупло в старом дереве, но высоко. В третьем – просто густой кустарник у самого обрыва, если знать – найдешь, а если не знать – пройдешь мимо.

В каждом схроне оставляли по несколько полос вяленого мяса, завернутых в чистую ткань и бересту. И по пучку сушеных трав – самых ходовых, которые могут пригодиться, если придется бежать без ничего.

Параллельно собирали травы для продажи. И Руди рассказывал об этом мире.

Оказалось, что большинство сильных магических растений давно стало недоступно простолюдинам. Магические аномалии, источники силы и даже волшебные леса уже поделили между собой аристократические дома. Каждый клочок земли, где рождалась хоть капля магии, уже оказался нанесенным на карты, огороженным заклинаниями и взятым под охрану семейной гвардией какого-нибудь барона или графа.

Единственным, еще полностью не разделенным и не освоенным оставался только один магический лес – Безумный лес. И то лишь потому, что по своей протяженности он не уступал целому королевству. Слишком велик, чтобы какой-то один род мог его проглотить.

По легендам, именно на его территории когда-то произошла решающая битва между Добром и Злом. И хотя Зло проиграло, земля впитала в себя его остатки. Говорят, та темная суть до сих пор сочится из-под корней, поэтому животные и даже растения там куда злее своих сородичей из обычных лесов и часто с различными мутациями.

Этот же лес, где мы решили провести лето, оказался лишённым магии, и поэтому животные и растения тут не отличались агрессивностью.

Руди показывал, что знал сам: горький верст с резким запахом палёной шерсти эффективен от насекомых; древесные ягоды для улучшения и очищения крови; красноцвет двулистный от лихорадки; пушистый лопус, похожий на кусок ваты на ножке, часто используют для ком-

прессов или как материал для обработки ран. И другие местные растения, которые он называл по-своему. Я нюхала, пробовала на язык, вспоминала аналоги из своего мира.

– Это похоже на зверобой. Противовоспалительное, антимикробное, антидепрессивное, кровоостанавливающее, противовирусное средство. Если смешать с маслом, хорошая мазь получится. Будем сушить, потом продавать.

– А это? – спрашивал Руди, показывая на невзрачный кустик.

– На мелиссу похоже. Успокаивает, снимает спазмы. Тоже берем.

Травы сушили, связывали в пучки, укладывали в тканевые мешочки. Часть оставляли при себе, часть – в те же схроны.

– Торговать будем, – планировала я. – Если не можем светиться как лекари, будем травниками. Меньше денег, но и меньше риска. А схроны – это подушка безопасности. Если в городе что-то пойдет не так, у нас будет запас, чтобы уйти и не сдохнуть с голоду.

– Про подушку не понял, – признался Руди. – Но остальное верно.

***

В итоге мы сделали пять схронов с мясом и травами вдоль реки, четыре мешка сушёных трав при себе и составили примерный план действий. Но оставалась одна проблема, и Руди заговорил о ней первым.

– Эльза, – позвал он как-то вечером. – Меня в этих краях знают. Я здесь десять лет ошивался, в каждом трактире меня помнят. Если я появлюсь в своем обличье, узнают сразу.

– Так измени обличье, – пожалала я плечами.

– Легко сказать, – усмехнулся он. – Бороду сбрить – это понятно. Волосы коротко постричь. Но лицо... лицо не спрячешь.

– Можно попробовать, – задумалась я. – В моём мире есть такая штука – грим. Если немного изменить форму бровей, добавить морщины или, наоборот, разгладить... Люди смотрят на лицо в целом, а не на детали. Если детали поменять, могут не узнать.

– Грим? – не понял он.

– Типа... краски для лица. Сажа, жир, глина. Потренируемся.

– Ладно, – кивнул он. – Это потом. А еще имя надо менять.

– Имя?

– Ну да. Рудольф Фальк – это имя, которое знают. Если я буду представляться так же, любой, кто услышит, сразу поймет. Надо что-то другое.

Я задумалась. Имя должно быть непохожим на старое, но при этом неудобным. И желательно такое, чтобы местные не сразу запоминали, меньше вопросов будет.

– Фтис, – попыталась я создать что-то максимально непонятное и труднопроизносимое.

– Что? – не понял Руди.

– Фтис Имвич, – повторила я. – Звучит чужеродно, непривычно. Если спросят, скажешь, что из дальних земель, с севера. Торговец, травник, бывший охотник. Мало ли.

Руди попробовал:

– Фтис... Фтис Им-вич. Странно.

– Странно – значит хорошо, – кивнула я. – К странным меньше лезут. И запомнить труднее, и переспрашивать неудобно. Фтис Имвич. И никаких Руди.

Он помолчал, примеряясь к новому имени.

– А ты? – спросил он. – Ты как будешь?

– Эльза, – я пожалала плечами. – Меня никто не знает. Эльза и Эльза. Можешь называть своей племянницей, ученицей, сиротой, которую подобрал. Главное, чтобы не лезли.

– Ученицей, – решил Руди, он же теперь Фтис. – Так правдоподобнее. Старый травник учит девочку ремеслу.

– Идет, – согласилась я.

Вторая жизнь – и такое же имя, да и призвание – лечить людей. Может, в этой жизни я наконец-то сдам экзамены на врача, точнее, на лекаря. В прошлой так и не получилось.

Мы сидели у костра, и река шумела где-то внизу. Скоро надо будет выходить, но пока можно просто сидеть и думать о том, что ждет впереди.

Новые имена, новые лица, новая жизнь. И схроны вдоль реки – на всякий случай.

Почему-то в этом мире природа, дикая и безумно опасная, меня завораживала и привлекала. А также привлекали развивающиеся магические способности. Я научилась использовать свою лекарскую силу, а также научилась пользоваться заимствованной у Руди магией воздуха. И краем сознания думала, что, возможно, тогда я смогу добавить себе в арсенал и другие магические силы. От этой мысли по телу бежали мурашки предвкушения интересной жизни.

Глава 6. Город

Первым делом – мясо.

Фтис знал, куда идти. На окраине у мясных рядов крутились перекупщики, которые брали товар у охотников без лишних вопросов. Цены ниже рыночных, зато быстро и без документов.

– Сколько дашь? – Фтис выложил на прилавок вяленые полосы.

Мужик-перекупщик покрутил мясо, понюхал, помял.

– Качество хорошее, – признал он. – Вялено правильно. Даю вот столько.

Я глянула на монеты. Мало. Два месяца в лесу, охота, разделка, вяление, схроны...

И это всё?

– Добавь еще, – вмешалась я. – Мясо отборное, кабан, не какая-то дохлая коза. Ты такое на рынке втридорога продашь.

Перекупщик уставился на меня. Девочка-подросток, серая и незаметная, а лезет в разговор взрослых мужиков. Но я за сорок лет на работе научилась отстаивать свое и чужое тоже.

– Девка у тебя бойкая, – заметил он Фтису.

– Ученица, – буркнул тот. – Добавь, она права.

Мужик хмыкнул и добавил пару медяков. Я кивнула – уже лучше.

С деньгами в кармане мы отправились на рынок.

– Нам бы одежду приличную, – заметила я. – Ты должен выглядеть как травник, а не как бомж, который из леса вышел.

– Я и есть бомж, который из леса вышел, – усмехнулся Фтис.

– Вот именно. Поэтому и надо менять образ.

Нашли лавку с одеждой. Недорогую, но приличную. Фтису выбрали конопляную рубаху теплого, приглушенного бежевого оттенка. И такие же штаны. Не белые – белое быстро пачкается. И плащ чуть светлее.

– Сразу видно – человек серьезный, – одобрила я.

Себе взяла серое. Рубаха, штаны, жилет с карманами. И косынку, чтобы волосы убирать. Мои каштановые волосы были длинными и пышными, настоящее сокровище и еще один способ подзаработать, если что-то пойдет не так. Я могла отстричь волосы и продать. Но сама в прошлой жизни я всегда ходила с короткой стрижкой, поэтому в этой решила попробовать длинные волосы. Но их яркий насыщенный цвет привлекал внимание, поэтому я решила – лучше спрятать.

– Чтобы не привлекать внимания, – пояснила я. – Ты у нас звезда, а я тень.

Последним нашли ночлег. Самый дешевый постоялый двор на окраине, где сдают углы за медяки. Комнатка чуть больше чулана, две лежанки, таз для умывания. Зато дешево и без лишних вопросов.

– Здесь и остановимся, – решил Фтис. – Пока не заработаем на что-то получше.

Наутро, выспавшиеся и чистые, мы отправились в лавку, где торговали травами и лекарскими принадлежностями.

Лавка оказалась небольшой, но набитой под завязку. Сушеные травы пучками висели под потолком, склянки на полках, ступки, зелья, мази, весы, какие-то непонятные приборы. За прилавком стоял пожилой мужчина в очках – редкость в этом мире, как я поняла.

Фтис выложил на прилавок наши запасы: аккуратно связанные пучки, помеченные особыми узелками, упакованные в чистую ткань.

– Сушеные травы, – предложил он. – Сбор летний, качество хорошее.

Травник-торговец взял пучки, понюхал, рассмотрел.

– Неплохо, – признал он. – Собрано правильно, высушено правильно. Откуда такие познания?

– Опыт, – уклончиво ответил Фтис. – Я травник. Путешествующий. Лечу эликсирами, отварами, сборами. Много где бывал, много чего пробовал.

– Путешествующий травник, значит, – торговец посмотрел на него с интересом. – И где остановился?

– На постоялом дворе у южных ворот. «Кривая подкова» называется.

Торговец кивнул, отсчитал монеты. Чуть больше, чем за мясо, но всё равно скромно. Зато теперь о нас знали.

Мы не скрылись сразу, немного отошли в сторонку, сделали вид, что разглядываем товары на соседних лотках. А сами смотрели на людей.

Фтис высматривал больных или очень беспокойных – тех, у кого на лице написано, что у них проблема, чтобы подойти и предложить помощь.

Потом мы отправились на центральную площадь, весьма людную.

Купцы, приказчики, зажиточные горожане, иногда мелькали аристократы в дорогих одеждах. Фтис прогуливался, делая вид, что просто глазает по сторонам, а сам искал взглядом дорого одетых и плохо выглядевших. Высматривал пациентов.

– Вон тот, – кивнула я незаметно. – Купец. Дорогой камзол, лицо сероватое, мешки под глазами. Печень. Желтизна легкая, склеры желтоватые. Скажешь ему: перегруз печени, застой желчи. Спроси, не горчит ли во рту по утрам и не бывает ли тяжести в правом боку после жирного.

Фтис кивнул, запоминая, и направился к купцу.

Я отошла чуть в сторону, сделала вид, что заинтересовал чей-то лоток, а сама краем глаза следила за ним. Фтис подошел, вежливо поклонился, начал разговор. Купец сначала смотрел подозрительно, но потом лицо у него изменилось, видимо, мы попали в точку.

Через пару минут Фтис вернулся.

– Завтра придет, – сообщил он довольно. – Если поможет, обещал заплатить хорошо.

– Поможет, – усмехнулась я. – Куда он денется.

План придумали простой. Фтис представлялся травником. Лечил эликсирами и травами. Осматривал пациента, говорил умные слова, которые выучил у меня. А если не знал, какие слова говорить, придумывал на ходу – любые, абсолютно любые, лишь бы звучало убедительно. Главное, чтобы люди верили, что он опытный и знающий. Потом говорил, что нужно приготовить травки. И пока он делал вид, что готовит эликсир, я осматривала пациента, промывала раны, делала перевязки, вправляла, если надо, то есть всю настоящую работу.

У нас сложилась система кодовых фраз. Если я говорила: «Тут одного эликсира не хватит», – значит, случай сложный, Фтис добавлял зверобой или что покрепче. Если говорила: «Тут душно», – значит, надо отвлечь внимание; и он начинал жечь что-то сильно пахнущее, пока я делала нужные манипуляции.

Фтис в это время гремел склянками, смешивал травки, делал вид, что творит волшебство. Обычно заваривал ромашковый чай – универсальное средство, которое при любых раскладах не навредит, иногда добавлял зверобой, по обстановке.

Пациенты уходили довольные. Еще бы – они уходили здоровыми. Кто-то платил деньгами или полезными предметами. Сарафанное радио работало отлично.

За несколько дней о травнике узнало немало народу. Мы работали быстро, брали недорого, не задерживались. К нам приходили с болячками, которые копились годами: старые травмы, больные суставы, вечная усталость, проблемы с желудком.

На пятый день Фтис вздохнул тяжело:

– Хватит. Пора двигать дальше.

Я не спорила. Сама знала, что нельзя светиться слишком долго. В каждом городе – свои стражники, свои криминальные шишки, которым может приглянуться травник без лицензии.

Так однажды нас схватили за шкуру и выволокли на центральную площадь одного крупного города. Толпа гудела, женщины крестились, мужчины сжимали кулаки. Какой-то парень лет семнадцати корчился на земле, хватаясь за живот, а его мать кричала, что мы отравили ее сына своими травами, и теперь он умирает.

– Шарлатаны! – орала она. – Убийцы!

Фтис, которого держали за ворот двое дюжих мужиков, ни на секунду не растерялся, быстро переглянулся со мной. И я поняла: здесь что-то не так. Парень слишком театрально закатывал глаза, а мать, вместо того чтобы плакать, то и дело поглядывала в сторону, где под аркой стоял тот самый лекарь-конкурент, которому, видимо, мы перешли дорогу.

– Если я его лечил, дайте мне осмотреть его! – громко потребовал Фтис. – Сейчас же!

Толпа расступилась. Нас подтолкнули к парню. Я первая опустилась на колени, сделала вид, что проверяю пульс. Удары ровные, сильные. Потрогала живот – никакого напряжения. Дыхание спокойное. Я подняла глаза на Фтиса и едва заметно покачала головой: притворяется.

Фтис понимающе кивнул, нахмурился, пощупал живот парня, поводит руками и изрек с самым загадочным видом:

– Всё ясно. Лекарство просто не дошло до больного органа. Но это легко исправить.

Мать замерла, толпа затаила дыхание.

– Сейчас мы введем лекарство напрямую. Эльза, готовь инструмент. Самый большой.

Я поняла намек. Достала из сумки самую толстую иглу, какую только носила с собой, – длинную, страшную, блестящую на солнце. Парень побледнел. Его «больной» живот перестал судорожно вздыматься, он просто замер.

– Штаны снимай, – рявкнул Фтис. – Будем колоть в ягодицу. Это единственный способ доставить лекарство прямо в кровь.

Я решительно дернула за пояс. Парень взвизгнул, вскочил и рванул прочь прежде, чем я успела хотя бы прицелиться. Даже штаны не натянул – так голозадый и убежал, громко матерясь.

Толпа ахнула. А потом... грянул хохот. Даже его «мать» растерянно замолчала, не зная, что делать.

Фтис стоял с довольным видом, заложив руки за пояс.

– Значит так, – громко обратился он, обводя площадь взглядом. – Я травник. Путешествующий. Лечу травами, эликсирами и не только. Знаю сотни болезней и знаю, как их лечить. А симулянтов с их подставными мамашами вычисляю с первого взгляда. Если кому нужна настоящая помощь, обращайтесь, пока мы в городе. И расскажите своим друзьям, знакомым, родственникам в других городах. Мы странствуем. И, возможно, поможем им.

Толпа загудела уже совсем по-другому. Кто-то заулыбался, кто-то закивал, а кто-то тут же потянулся записываться.

С тех пор слухи о нас росли как снежный ком.

«Сумасшедший травник с огромной иглой», – шептались в городе.

Но пациенты шли. И платили.

Мы проработали в том городе дней десять, за это время скопили немного монет, прикупили кое-что из припасов. Фтис пересчитывал деньги каждый вечер, прикидывал, куда пойти, чтобы подзаработать.

– Еще заглянем в Хакор, Олвас и, может быть, в Сортан, а потом пойдем зимовать в Лайзорес. Большой и богатый южный город. Там на окраине сможем снять себе комнату, – сказал он, когда мы собирали вещи перед уходом. – А может, еще южнее пойдем. Посмотрим, какой будет зима.

– На юг? – переспросила я.

– Да, там сейчас еще тепло, а к зиме и подавно лучше, чем здесь. Будем по городам ходить, пока холода не прижмут. А на юге и зимой можно работать. Люди там тоже болеют.

Я кивнула.

Логично. Северные города зимой вымирают: кто уезжает, кто сидит по домам. Бездорожье, холод. А на юге климат мягче.

– А здесь? – спросила я, кивнув на город за окном.

– Здесь мы свое взяли, – усмехнулся он. – Те, кто хотел, уже вылечились. Остальные либо не верят, либо денег нет. А те, кому мы не понравились, уже начали вопросы задавать. Я вчера слышал, как двое прохожих обсуждали, что я вроде воздушником был когда-то. Но не узнали из-за грима. Пора, пока не вспомнили.

Я собрала свои вещи – немного, всё с собой. Спирт, бинты, нож, расческа. Всё остальное – в схроны, на обратном пути заберем, если придется возвращаться.

Ушли мы рано утром, когда город только просыпался. Фтис шел впереди, я чуть сзади, как и положено ученице. За спиной остался очередной город, в котором мы помогли людям, и сделали ноги.

– Долго нам так кочевать? – спросила я, когда мы вышли за ворота.

– Пока не нарастим жирок, – ответил Фтис. – Пока я не смогу за тебя постоять по-настоящему. Пока ты не научишься за себя постоять. А там видно будет. Может, оседем где-нибудь. Может, нет.

– А может, свой дом откроем, – усмехнулась я. – Лечебницу. Чтобы свое крыльцо, своя печка, свои пациенты.

Фтис оглянулся и посмотрел на меня с интересом.

– Лечебницу? – переспросил он. – Это где лечат?

– Где лечат, – подтвердила я. – Больница по-нашему. Чтобы койки, чтоб инструменты, чтобы не бегать по городам, а люди сами приходили.

– Мечтать не вредно, – хмыкнул он. – Но для этого деньги нужны. Большие. И крыша. И документы. И имя. И самое главное – лицензия.

– Имя заработаем, – понадеялась я. – Деньги накопим. Крышу найдем. А документы... ну, как-нибудь решим. А вот с лицензией надо подумать.

Мы брели по пыльной дороге на юг, и я впервые за долгое время думала не о том, как выжить сегодня, а о том, что будет завтра. Через месяц. Через год.

Странное чувство.

В прошлой жизни я как-то перестала мечтать. Работа, дом, работа, дом – и так много лет. А здесь, в этом дурацком средневековье с магией и грязью под ногами, я вдруг поняла, что хочу чего-то большего.

– О чём задумалась? – спросил Фтис.

– О лечебнице, – честно ответила я. – О том, как будем ее строить. Слушай, а как получить лицензию?

– Сначала переживем зиму, – буркнул он. – А потом посмотрим.

И мы пошли дальше на юг.

Глава 7. Спустя пять лет

Дом отца Фтиса стоял на отшибе небольшого городка Ситайл. Просто избушка с провалившейся крышей и засохшей яблоней у калитки. Но в окнах горел свет – значит, старик еще жив.

Фтис долго стоял перед калиткой, не решаясь войти. Пятнадцать лет он отсутствовал дома. Пятнадцать лет его отец не знал, жив ли сын. Я ждала в стороне, прислонившись к ветхому забору. Мы добирались сюда почти два дня и сильно устали.

– Заходи уже, – подбодрила я тихо. – Не век же торчать.

Он вздохнул и толкнул калитку.

Внутри пахло кислой капустой, старой золой и чем-то затхлым – запахом долгого одиночества. Отец сидел у печи, укутанный в рваный плед. Седые волосы, морщинистое лицо, синие пронзительные глаза. Его взгляд быстро пробежался по нам и застыл на Фтисе, он узнал сына сразу.

– Руди? – голос старика сорвался не то в крик, не то в стон.

– Здравствуй, отец, – Фтис опустился на скамью рядом, взял его холодную ладонь в свои руки. – Я вернулся.

Отец протянул руку, коснулся его щеки, будто проверял, не призрак ли. Пальцы дрожали, губы тряслись.

– Я уж и не надеялся. Пятнадцать лет... Где ты был? Что с тобой?

– Долго рассказывать, – Фтис сжал его пальцы. – Сначала я лежал, еле дышал. Барон в той вылазке подставил нас, бросил, я один выжил. Потом скитался, стыдно вернуться нищим, больным, ни на что не годным.

Руди замолчал, сглотнул ком в горле. В комнате стало тихо, только печь потрескивала.

– А потом я встретил ее.

Он кивнул в мою сторону, но глаза опустил в пол, а голос задрожал и охрип. Каждое слово давалось ему с трудом.

Отец перевел взгляд на меня.

– Это Эльза. Лекарь.

– Она что, тебя выходила?

– Она, – Фтис кивнул. – И не только. Мы путешествуем вместе уже почти пять лет. Всему, что я умею, травам, отварам, настойкам я научился у нее.

Отец удивленно поднял бровь, посмотрел на меня с новым интересом.

– А как же твоя магия? Ты же воздушником был.

– Был, – глухо ответил Фтис. – Теперь я травник. Фтис Имвич. Слышал такое имя?

Старик покачал головой.

– У нас здесь глушь. Но в городе болтают про сумасшедшего лекаря, который изгоняет демонов и разговаривает с призраками.

– Это я, – усмехнулся Фтис. – Только демонов не изгоняю. А призраки – это так, для бедных аристократов, которые не любят платить.

Отец хрипло рассмеялся и тут же закашлялся. Я подошла, налила из чайника теплой воды, подала ему.

– Пейте маленькими глотками, – велела я. – И не спешите.

Его отец, Герман, мужчина коренастый и с поломанным носом. В молодости, уверена, он был невероятно красив и статен. Даже сейчас, в возрасте, еще угадывалась хорошая фигура и попытка держать спину прямо. Но годы брали свое.

Сначала мы сели почаяевничать – устали с дороги, замерзли. И тут оченьгодились наши запасы еды, которые мы по привычке всегда имели с собой. Вяленое мясо, сухари, орехи и

медовые лепёшки легли на скудный стол отца Руди. У него нашлась лишь картошка с морковью, пара банок молока и ломоть хлеба.

Сначала Герман ел жадно, молча. В его глазах то и дело блеснули слёзы. Наевшись досыта, возможно, впервые за несколько недель, он перевел взгляд на сына. Его глаза бегали по лицу Фтиса, подмечая новые черты и странности – например, еще не смытый грим. Я заметила, что он хочет задать много вопросов, но не решается, и предложила Герману осмотреть его и полечить, ведь как-никак Фтис травник, каких поискать.

Герман непроизвольно отшатнулся от этой идеи, как от огня. В его глазах пробежали искры страха и недоверия.

– Ну или я, – успокаивающе добавила я.

– Да, давайте. Что мне терять?

Я взялась за осмотр, Фтис молча смотрел, как я осматриваю отца: проверяю пульс, слушаю дыхание, заглядываю в глаза.

– Легкие слабые, сердце шалит, суставы болят, – сказала я. – Но жить будет, если за ним ухаживать.

Отец Руди настороженно покосился на меня, но промолчал.

– Я помогу, – добавила я. – Несколько дней побуду здесь, подлатаю, что смогу. А потом уеду.

– Куда? – спросил Герман.

– В академию, – ответила я. – Один аристократ, у которого мы спасли сына, оказался связан с Академией Альянса. В благодарность он организовал мне возможность поступить туда. А нам как раз нужна лицензия, чтобы спокойно работать и чтобы нас никто не посмел тронуть.

Фтис молчал. Я видела, как он сжал челюсти, ему не нравилась мысль, что я уеду одна. Но он понимал: так надо.

– И ты с ней? – обреченно спросил Герман.

Фтис отрицательно покачал головой.

Пока я возилась с лекарствами, Фтис с отцом разговорились. Они сидели у печи, пили травяной чай, и старик слушал, не перебивая. С каждым рассказом его лицо светлело, он стал спокойнее и веселее, иногда хлопал сына по плечу, не то подбадривая, не то проверяя, что это не сон, изредка поглядывал на меня.

– Попался нам один граф, – рассказывал Фтис. – Дучке. Толстый, красномордый, с масленными глазками. Жаловался на живот. Эльза его быстро на ноги поставила. А он вместо платы дал мешок фальшивых монет.

Отец округлил глаза.

– Как так? Он же граф? И такой жмот! И что вы?

– А то, – Фтис усмехнулся. – Я нарядился призраком его покойного отца, что умер за несколько дней до этого. Эльза мне грим сделала – бороду седую, морщины. Явился к нему ночью, завыл: «Сынок, верни деньги, иначе в следующую ночь я приду и утащу тебя с собой».

Отец поперхнулся чаем, закашлялся.

– И он поверил?

– Да! Он очень боялся, что отец не упокоен с миром, и поверил. Его кошмар ожил! Куда ему деваться? – Фтис потряс руками, изображая испуганного графа. – Наутро он принес настоящие деньги. Мы ушли, а он, говорят, еще месяц по ночам спать боялся. Везде горели лампы, и стояла стража.

Отец одобрительно засмеялся до слёз.

– Сумасшедшие. Настоящие сумасшедшие.

– Зато мы научили его, что нас лучше не обманывать, – добавила я, помешивая отвар.

– Правда, он еще всем рассказывал, что мы забрали два мешка золота, а не один. Он ведь никому не говорил, что первый мешок дал с фальшивыми деньгами. И по городу пошли слухи, что мы берем очень дорого, – печально вздохнул Фтис.

Когда отец перестал смеяться, он продолжил:

– Был еще один случай – Барон. Он нас до нитки обобрал. Мы его полечили, а он отобрал у нас деньги да еще избил. Мы тогда еле ноги унесли, но быстро поправились и пошли в суд. Судья оказался подкуплен. Нам еще и присудили барону заплатить, мол, за проживание у него, пока лечили его. Вот такой наглый барон.

Отец побледнел, схватился руками за голову.

– Ах, они твари! В суде никогда никто из людей не выигрывает, только аристократы.

– Мы пошли требовать деньги у него еще раз. И нас опять избили, – ухмылялся Фтис, продолжая рассказ.

– Зачем? Вы что, дураки?

– Так ко второму суду мы подготовились. Я вышел на площадь после этого – избитый, окровавленный, с артефактом в руке, который якобы определяет зло. Стал кричать про нашу долю, про то, что лечим почти бесплатно, а барон последние крохи отбирает. Что он – упырь, вампир, зло во плоти. И что судью он тоже укусил, и тот становится злом. Что нужно сплотиться против всепожирающего зла.

– Да ладно. И что дальше? – спросил отец, всё такой же бледный, но это не помешало ему откусить кусочек медовой лепёшки.

– А как же, – усмехнулся Фтис. – Толпа подняла шум. Часть толпы, правда, состояла из наших друзей – бродячих артистов. Эльза вылечила у них ведущего актёра, и они взялись нам помочь, – он заговорщически наклонился к отцу.

Герман схватился за сердце.

– Да за это же могут казнить! – запричитал он.

– Я выступал перед всеми, крича, моля и стенаю о добре и зле. Я говорил, что лечу людей почти бесплатно, а этот барон избил меня за то, что я лечу людей. Разве он не зло?

– Толпа кричала: «Святой! Так и есть! Ты вылечил меня! Меня! Меня! Лекарям слава! Судью – на виселицу!».

Фтис выпрямился, заулыбался, загордился собой:

– Судья поддался общественному давлению и, пытаясь спасти себя, осудил барона.

– Не может быть!

– Я выиграл суд, – победно продолжил Фтис. – Нас отпустили с миром и деньгами. Мы ушли из того города еще и с интересной репутацией.

Отец замолчал, нахмурился.

– Мы выжили, – тихо сказала я. – И стали сильнее.

Герман сидел, нахмурившись, его грудь тяжело вздымалась, старик думал, смотря на огонь в печи.

Наконец, он заговорил, тихо, нравоучительно:

– Не дело это – нам с аристократами бодаться. Затопчут и не заметят даже.

– А не бодаться – так ведь тоже затопчут, отец, – примирительно и обреченно заметил Фтис. – Исход один, жизнь разная. В борьбе есть хотя бы шанс.

Герман покачал отрицательно головой, но ничего не сказал.

Ближе к ночи, после нескольких лечебных настоев и еще парочки медовых лепёшек, разговор снова зашел о жизни, что пробежала за эти пятнадцать лет у них вдали друг от друга.

Герман рассказал про их жизнь с Майелой, матерью Фтиса. Голос его стал тихим, будто он боялся потревожить память. Она была женщиной редкой красоты – так тепло говорил о ней Герман.

– Она тяжело переживала о тебе, сынок, и одной суровой зимой подхватила простуду. К весне ее не стало, не дожидая буквально два дня до первых подснежников, – голос дрожал, иногда срываясь на хрип, исходящий будто из самой души.

– Она уходила легко, говорила, что встретит там тебя. «Слишком долго мы не виделись, – шептала она, – как он там, на небесах, один? Скучает, наверное». Она похоронена у южного холма, где каждую весну расцветает больше всего подснежников.

Герман замолчал, глядя в огонь. Языки пламени плясали в его глазах, и я поняла: он прощается с ней снова, каждую ночь.

– Ты сходи навестить ее, сынок. Скучает ведь там, на небесах, одна, – прошептал он тихо, спокойно. Но в его голосе звучала такая обреченность, что у меня защемило сердце.

А глаза его стали стеклянными, обреченными, будто и сам он планирует ее скоро навестить и остаться с ней.

Фтис замер.

Воздух в комнате стал тяжёлым, как перед грозой. Он забыл, как дышать. В его глазах блеснули слёзы, но не те, что от слабости, а которые жгут изнутри. Челюсти сжались, послышался скрип зубов. Он посмотрел на отца, хотел что-то сказать, но только сглотнул и отвернулся. Я видела, как дрожит его рука, сжатая в кулак.

На следующее утро, еще затемно, Фтис ушел на холм к матери. Вернулся только к вечеру, когда солнце уже коснулось верхушек деревьев. Глаза покраснели, словно он не плакал, а просто смотрел на снег и ветер. Вернулся спокойный. В походке появилась та тихая твердость, которая бывает, когда прощаешься с тем, кого любишь, и обещаешь жить дальше.

Следующие пару дней я лечила старика, приготовила ему пару мазей для суставов, отваров, а по ночам, когда он спал, незаметно вливала в его тело немного магии жизни. Он не понимал, почему ему становится легче, но уже не косился на меня с подозрением.

– Ты, девка, видно, колдунья, – подначил меня старик однажды утром, свободно разгибая спину. – Но добрая колдунья.

– Я лекарь, – ответила я. – А колдовство – это для тех, кто не умеет лечить.

Фтис засмеялся.

Он всё это время ремонтировал дом. Крыша перестала течь, двери не скрипели, печь больше не дымила. Но дел оставалось еще очень много.

А вечерами мы втроем сидели у печи, Фтис рассказывал разные истории, вспоминая скорее веселые или интересные. Как однажды попытался лечить корову в одной деревне, но перепутал настойки, и корова целый день давала молоко с запахом чеснока.

А потом, театрально изображая хозяина коровы, проговорил:

– Это новый вид молока! Мне за него такую премию дадут. Заживем!

Герман задорно смеялся, как ребенок. Из глаз катились слёзы от смеха. А Фтис продолжал изображать важного хозяина коровы и величаво прогуливался по комнате, сделав губки уточкой и грудь колесом.

– Ты всё врешь, сынок, – хохотал старик, вытирая глаза.

– Немного, – признался Фтис, улыбаясь. – Но молоко действительно пахло чесноком.

И еще один случай.

Путешествовали мы через город Венсани, что славился обилием каналов и мостов. Там всё очень красиво, но дурно пахнет. Мы остановились на главной площади, где хоть иногда дул свежий воздух с моря. Ближе к обеду к нам прибежал мужчина с маленьким мальчиком на руках.

– Принесли его родители, – начал Фтис. – Упал в воду и утонул. Они вытащили его, попытались помочь, но он не дышал, а кто-то им про нас рассказал, и прибежал отец с мальчиком к нам, благо всего в квартале от нас находился. А Эльза как увидела, тут же мальчишку

схватила и давай с ним что-то странное делать. На грудь нажимать и в губы целовать. Я уж думал всё, сейчас арестуют и повесят за надругательство над ребенком.

А отец его выронил изо рта лепёшку, громко взглотнул и осуждающе посмотрел на меня.

– Я для отвлечения закричал: «Это всё демон. Я сейчас изгоню его. Срочно за мной! Изгоняю демона!» и начал убегать от Эльзы, бросая разные вещи, хватать людей и создавать хаос. А народ носился за мной, будто хвостик, с ужасом и страхом, никто не смотрел на Эльзу. Все боялись, что демон переметнется на них. Я орал, визжал, изображал схватку с демоном и уже почти изобразил, что он победил меня, – Фтис остановился, переводя дыхание.

Отец слушал, раскрыв рот и не трогая лепёшку.

– И что?

– Ребенок задышал. Ожил, – Фтис нервно затряс руками. – Представляешь! Толпа завопила о чуде. Кто-то кричал, что я святой! Кто-то, что я колдун! Все они смотрели на меня и ловили каждое мое слово!

– Ну, хорошо, что парень ожил. Вас, по крайней мере, ни в чём не обвинили.

– Ага, как же. Местный лекарь обвинил нас в некромантии. Пришлось срочно бежать из города, – не то обреченно, не то веселясь, проговорил Фтис и продолжил: – С тех пор меня считают сумасшедшим или безумным лекарем, – усмехнулся он. – Кому как нравится.

Отец поёжился.

– Господи, с кем ты связался, сынок...

– С Эльзой, – многозначительно ответил Фтис и кивнул на меня.

Я лишь пожала плечами и сделала вид, что рассматриваю стену.

***

В заботе о доме и старике прошла целая неделя. Пора собираться в дорогу. Я перебирала запасы, укладывая в сумку вяленое мясо, сухари и медовые лепёшки, которые так полюбились Герману. Пальцы двигались привычно, но в груди всё сжималось, словно кто-то медленно затягивал узел.

– Ты уверена, что справишься одна? – спросил Руди, когда я начала упаковывать продукты в дорогу.

Голос звучал ровно, но я знала своего спутника слишком хорошо, он боялся. Боялся за меня, боялся, что я не вернусь. Его глаза, обычно холодные, сейчас смотрели с такой тоской, что у меня перехватило дыхание.

– А у меня есть выбор? – печально улыбаясь, спросила я.

Сердце колотилось где-то в горле, но я не позволяла себе распускать нюни. Фтис подошел и вложил в мою сумку ножны с его магическими клинками-лезвиями. Затянул ремень сумки и посмотрел на меня с печалью.

– Нет, – ответил он. – Ты права. Как всегда.

Фтис отвернулся к окну, и я заметила, как его пальцы сжали подоконник. В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием дров в печи.

Среди сотен подобных заведений мне выпала возможность поступить в самую элитную академию, уважаемую во всех королевствах Альянса. Это невероятный шанс, так нужный нам. Лицензия из этого учебного заведения позволяла путешествовать по всем королевствам и везде лечить, не боясь преследования. Ее признавали везде – от северных ледников до южных пустынь. Стоимость обучения астрономическая – за эти деньги можно было купить небольшой замок, но попробовать стоило. Даже если я не буду там спать, а только учиться и работать, я всё равно зацеплюсь за этот шанс.

В прошлой жизни, после того как я отучилась на медсестру, я трижды не закончила свое обучение на врача: первый раз – из-за рождения детей, второй – из-за карьеры мужа, и третий – из-за развода с ним же.

Мне оставалось буквально год до выпуска, когда муж за обедом как бы невзначай сказал:

– Денег на оплату обучения нет. Твое обучение – ты и плати, – и продолжил спокойно кушать.

А потом подал на развод и уехал в отпуск со своей новой любовью на Мальдивы. Я была разбита, пока делили имущество, я взяла академический отпуск. А потом пришлось решать: купить жилье или продолжить обучение. Я выбрала жилье. И в итоге осталась медсестрой, так и не закончив три разных специальности.

Через несколько лет после развода, когда муж оставил меня одну с детьми и прекрасно проводил время с любовницей, он заболел. Точнее, слёг с инфарктом, причём дважды. Бывший выкарабкался, но ему требовалась серьезная реабилитация.

А потом начались звонки. Сначала – наглые. Он, видите ли, позволял мне вернуться и стать его сиделкой. Я отказалась. Тогда включил нытьё. Он перечислил всё, что сделал для семьи. Словно я до конца жизни должна ему за его благодеяния.

Я ответила один раз: «Твое здоровье – твоя проблема. Платить за свои действия будешь сам». И перестала брать трубку.

Тогда он, уже с тростью, стал ждать меня у дома. С цветами. С дрожащими губами.

– Я дурак. Давай сначала. Ты же медсестра, сможешь мне восстановиться. Мы же любим друг друга...

Бывший говорил. Я молчала. И ждала. Ждала, когда он спросит: «А как ты? Ты доучилась?». Он не спросил. Ни разу. Только он. Только его боль. Только его жизнь.

Но самое страшное прилетело не от него. Пришло от детей.

Они выросли, разлетелись из гнезда. Поначалу навещали, успокаивали, жалели. А потом папа открыл кошелек. Пообещал оставить наследство. И дети быстро перестроились.

– Мам, ну ты чего? Всё в жизни бывает. Ну, изменил, подумаешь. Ты бы его простила, он же больной теперь...

Я смотрела на них и не узнавала.

Это мои дети?

Те, кого я ночами держала на руках, когда у них была температура? Те, ради кого я бросила нейрохиргию? Ради кого подстраивалась, жертвовала, терпела?

Они выбрали его. Выбрали деньги. И меня сдали.

Я осталась одна.

Воспоминания нахлынули болью.

– Я не боюсь начать, – пояснила я, встряхнув головой, будто отгоняла прошлое, взмахнула рукой, чуть не сбив кружку со стола. – Это я умею мастерски. Я боюсь не закончить.

Усмешка получилась грустной, но я не позволила себе раскиснуть, спрятала улыбку в уголках губ.

Фтис подошел ближе, похлопал меня по плечу – тяжело, по-мужски, но в этом жесте я почувствовала столько тепла, сколько он не показывал годами, словно его ладонь прожигала ткань куртки.

– Ты не умеешь сдаваться, а как постоять за себя, я тебя уже научил, – напутствовал он. – Так что я не боюсь, что ты не закончишь. Просто попробуй сделать это побыстрее. А то цена обучения меня пугает. Потом будем сто лет выплачивать этот долг.

Фтис усмехнулся, но его глаза оставались серьезными.

– Для этого придется прожить эту сотню лет, – посмеялась я, примериваясь к весу сумки.

Ремень скрипнул, и я повесила ее на плечо.

– Я, конечно, вписалась в авантюру, но что вы хотите от подмастерья сумасшедшего лекаря?

В тот вечер перед моим отъездом мы вновь собрались у печи. Огонь приятно потрескивал, выстреливая золотыми искрами, и теперь сидеть возле него стало в разы приятнее – за спиной не дуло, дым уходил в трубу, а не в глаза, как в первый день. Воздух в комнате чистый и

свежий, пахло лесными травами, которые собрал Фтис: мятой, зверобоем, чем-то горьковатым и терпким – тем особенным ароматом, который остается в памяти навсегда.

Чай на родниковой воде с листьями брусники прекрасно подошел к блинчикам – тонким, кружевным, которые я испекла еще утром, хотя отлично видела, что пара медовых лепёшек исчезла со стола, когда мимо проходил Герман. Он делал вид, что смотрит в окно, но я заметила, как его рука метнулась к тарелке, а в глазах мелькнуло что-то по-мальчишески озорное. Я усмехнулась про себя, но промолчала – пусть тайком, пусть ворует, главное, что ест с аппетитом.

Герман теперь ходил без палочки, его спина стала заметно прямее, а в руках появилась сила. Старик уже помогал Фтису забивать гвозди и даже подмел территорию у дома – неторопливо, со вздохами, но без прежней одышки.

Я смотрела на них и думала: «Кажется, Фтис с отцом не пропадут». И на душе становилось спокойно. Я впервые за долгое время чувствовала, что оставляю их не в беде, а в порядке. Не в той липкой, беспомощной беде, которая душит, когда уходишь, а в крепком, надежном порядке, который сам стоит на ногах.

За вкусным чаем с блинчиками мы сидели и болтали обо всём. Фтис, активно жестикулируя, – это уже стало частью его натуры – второй кожей, – театрально рассказывал о наших проделках. Он вскакивал, разводил руками, менял голоса, изображая то испуганного графа с трясущимися коленями, то шумную толпу зевак, то подкупленного судью, у которого от страха дрожали не только руки, но и пышные усы.

Герман слушал, раскрыв рот, и то и дело хлопал себя по коленке, вытирая слёзы от смеха. Я смотрела на них и вдруг остро, до боли в груди поняла: они оба – Фтис и его старый отец – стали мне семьей. Не той, что по крови, а той, что по выбору, по скитаниям, по общим ночам у костра и общим бедам.

И я должна вернуться с лицензией. Обязательно. Не ради славы, не ради денег, а ради того, чтобы мы могли больше не скитаться и спокойно жить на одном месте. Всем вместе. Чтобы печь по вечерам топилась не в чужом доме, а в своем, и за столом собирались свои, и чтобы никто не ждал в ужасе, когда придется снова бежать.

Я отпила чай и посмотрела на огонь. В его языках мне виделось будущее – не такое уж и далекое.

Глава 8. Письмо наставнику

Эльза сидела за столом в своей комнате в академическом общежитии, свесив одну ногу со стула и обхватив колено руками. Перед ней лежал чистый лист бумаги, шершавый, пахнувший целлюлозой и терпкими чернилами. Рядом стояла чернильница, а перо она уже трижды макнула и трижды отложила. За окном темнело, где-то в коридоре смеялись первокурсницы, и аппетитно тянуло жареным луком из столовой.

– Ну, давай, Эльза, – сказала она себе вслух, потирая онемевшие пальцы. – Не боги горшки обжигают.

Она взяла перо, неуверенно, как в первый раз, обмакнула и вывела:

«Здравствуй, старый бродяга».

– Слишком фамильярно, – пробормотала она, но зачеркивать не стала.

Чернила блеснули в свете лампы, и буквы, казалось, зажили своей жизнью.

«Как ты там? Не сдох еще без меня?»

Эльза усмехнулась и отложила перо. В сердце что-то ёкнуло – не боль, а тепло, похожее на глоток горячего чая зимой. Фтис бы оценил. Но остальным... ну, письмо не для чужих глаз.

Она потянулась, взглянула за окно. Луна только начинала подниматься, бледная, как старый пергамент, а в комнате горела небольшая магическая лампа. Она иногда мигала, бросая на стены прыгающие тени, которые то сжимались, то разбегались, словно испуганные зверьки.

Эльза вдруг поймала себя на мысли, что скучает по его громкому голосу. По тому, как он говорил: «Эльза, ты талантливая дура». По тому, как он поначалу отмахивался от ее советов, а потом втихаря им следовал.

Она снова взяла перо, но кончик дрогнул, и чернила поставили жирную кляксу. Эльза чертыхнулась и промокнула ее краем рукава.

«Два месяца. Представляешь? Два месяца, как я здесь. А кажется – вечность».

Она помолчала, смотря на свет от лампы, которая чуть слышно гудела, как довольный кот. Свет колыхнулся, и она машинально поднесла ладонь к лампе, чтобы подзарядить. А заряжать бытовые артефакты ее научил Игнис. Тепло скользнуло в пальцы, и на мгновение показалось, что она снова там, в доме старика Германа, у печи.

«Экзамены оказались сложными. Похоже, специально для меня – простолюдинки, сделали сложнее. Преподаватели смотрели так, будто я должна была провалиться в первую же минуту. Но я сдала. Сорок лет за плечами, Фтис, не шутка. Двадцать допусков к обучению и практике. Сразу. Даже Симона удивилась – это заместитель главного целителя лазарета; она меня на дух не переносит: то ли из-за того, что я так козырнула, то ли потому, что я простолюдинка. Но ее удивление слаще мёда, Фтис. Слаще мёда. Я сдала и очень этому рада».

Эльза отложила перо, встала, прошла по комнате. Подошла к окну, прижалась лбом к холодному стеклу. Луна уже висела низко, желтая, плоская, как блин. На подоконнике стояла кружка с остывшим чаем. Она отхлебнула – горько, как в ее жизни, но привычно. Она даже не поморщилась. Вернулась к столу. Села, поджав ноги по-турецки, и уставилась в бумагу, собираясь с мыслями.

«Подруг нашла. Дора – драконица с бронзовыми искрами в волосах. Громкая, прямолинейная, болтливая, иногда до ужаса наивная. Когда она смеется, кажется, что в комнате зажигается тысяча свечей. Ирма – полуэльфийка с фиалковыми глазами. Тихая, умная. С ней можно молчать и не чувствовать себя странной. Мы часто обедаем вместе, болтаем о том о сём. Они хорошие. Не такие, как те, кто только и ждет, когда ты споткнешься».

Она задумалась, покусывая кончик пера. На языке остался горьковатый привкус чернил.

«Я решила продолжать тренировки, чтобы не терять тонус, и записалась на курс боевого мастерства. Попала к Крэгу. Легендарный орк-генерал. Красавчик. Голос – как бархат, взгляд –

как сталь. Гора мышц и обаяния. Когда он идет по коридору, студентки забывают, как дышать. Девушки ходят к нему не за развитием силы, а в попытке охмурить. Я узнала об этом недавно, когда подружилась с Оливией и Фреей с боевого курса.

И знаешь что?

Крэг оказался не только красивым, но еще и опасным. Он может убить одним движением – и это не преувеличение. А еще он поручил меня запугать двум студентам-старшекурсникам... В Безумном лесу. Я до сих пор злюсь. И почему-то злюсь больше, чем следовало. Злость жжёт изнутри, как просроченное зелье, будто я ожидала от Крэга другого. Неужели и я попала на его красоту и мужественность?»

Эльза отложила перо, потеряла виски. На щеках появился румянец от мыслей о красивом теле орка. Она встала, подошла к умывальнику, плеснула в лицо воды.

Холодно.

Кожа покрылась мурашками, но мысли прояснились.

Хорошо.

Вернулась, посмотрела на письмо. Строчки плясали, как черти на сковородке.

«Знаешь, я нажила себе врагов. Эдильгийцы. Они отравили драконов, и пока я их лечила, пришли посмотреть и позлорадствовать. Их лица лоснились от самодовольства. Я их не впустила. Они напали. Я ответила. Била так, как учил ты, Фтис, без правил, без жалости, по самому больному. Потом состоялся суд. Они обвинили меня в нападении, хотя стояли там без единой царапины. А я пришла вся в синяках и ссадинах. Ректор Вейлон смотрел на меня, как на дикого зверя. Я выиграла суд и заставила каждого из них признать вину и оплатить нанесенный мне ущерб. Фтис, ты бы видел их лица. Это почти так же приятно, как в тот раз, когда ты обул того купца на пятьдесят золотых».

Она улыбнулась, вспоминая. Улыбка получилась хищной, почти волчьей.

«Безумный лес. Первая вылазка. Я выследила и убила леопарда. Ингредиенты нужны. Я сидела в засаде три часа, не дыша, а когда он вышел на тропу, ударила первая. Леопард даже взвизгнуть не успел. Потом сидела и ждала, пока за мной придут и помогут дотащить тушу. Пришли. Игнис и Тарт. Огненный маг и ледовик.

Игнис – красавчик, хоть и малоопрятный, рыжий, взлохмаченный, с вечно горящим взглядом. Тарт – будто замороженный, белобрысый, с глазами цвета северного льда. Сначала старшекурсники показались мне избалованными капризными детишками, но Игнис потом оказался ничего так и защищал при нападении Черного хлыста, и терпеливо сносил свой откат. У него странный огонь, он состоит из двух. Один нормальный, а другой будто агрессивный – ранит и физически, и магически. Но в лазарете почему-то про это не слышали и ничем ему помочь не могут».

Она потянулась, хрустнув шеей. Спина затекла, как после долгой операции. Села поудобнее, поджав ноги под себя.

«Лазарет – это отдельная песня. Куча новых эликсиров, приспособлений. Столько всего, что голова идет кругом. Я прочла столько книг за эти месяцы. Глаза краснели, пальцы сводило от переписывания рецептов, но я не могла остановиться. Сдавала экзамены каждые две недели по пять тем.

Фтис, я забывала есть. Буквально. Однажды Лира спросила, когда я ела в последний раз, и я не смогла вспомнить.

Помнишь, как ты говорил, что я фанатичка? Ты оказался прав. Но это так интересно! Есть столько невероятных трав, полезных лечебных артефактов... Я бы тебе показала, но ты не любишь целительство. Ты любишь только свои ингаляции и деньги».

Эльза усмехнулась и отпила еще чаю. Чай остыл и горчил, но она пила его с наслаждением.

«Игнис ухаживал. Две недели. Приходил в лазарет, помогал, ждал, приглашал пообщаться в спокойной обстановке. Смотрел на меня так, будто я единственное солнце на его небе. Я почти сдалась – молодое тело и атмосфера академии шептали, мол, наслаждайся молодостью. А оказалось, что он нуждался в консультации по его дару. Игниса – в игнор. Вечный. Стыдно перед подругами из лазарета. Лира успокаивала, говорила, что он просто дурак. Но мне всё равно стало обидно. Обида сидела в груди, как заноза. Ты бы посоветовал послать его куда подальше. Я и послала.

Правда, потом мы помирились. Интересно разобраться в его огне. А еще он помогает мне хорошо зарабатывать на вылазках и набираться опыта и в других направлениях учебы. Мы ходим на красные вылазки, он учит меня заряжать и даже делать артефакты. Взаимовыгодно, хотя всё еще неприятно вспоминать, как я обманулась его поведением».

Она почесала нос, оставив чернильное пятно на нём, но не заметила. На коже осталась черная полоса, но Эльза не переживала – Фтис видел ее и не в таком виде.

«Драконы отравили эдильгийцев. Точнее, помогли им накосячить. Устроили им прорыв канализации, а потом помогли купить приятно пахнущие цветы. Вот только не сообщили, что эти цветы – афродизиак.

Что было!

Коридоры стонали от криков страсти, в комнатах творилось невообразимое. Сотни признаний в любви, несколько свадеб после бурной ночи и попытки изнасилований. Я сорвалась на Дерека, когда лазарет заполнился пострадавшими девушками. Я орала на него так, что стены тряслись. Потом отошла, но холодок между мной и Дерекком остался. А Дерек начал встречаться с Дорой, а потом неожиданно бросил. Даже не сказал ей ничего! Представляешь?! Мне стало обидно за подругу. Дора плакала три дня, а я сидела рядом и материла всех драконов на чём свет стоит. Дерек – огонь во плоти, жгучий брюнет. Но он козел. Красивый, но козел».

Она задумалась, потом добавила:

«Я стала встречаться с Румусом; он тоже дракон и, как назло, из стаи Дерека. Вроде не козел. Румус – его правая рука, главный аналитик, умный и рассудительный. Драконы, оказывается, живут и воюют стаями. Румус – красавчик с острыми скулами. Лицо как у хищной птицы, глаза – как два клинка. Сильный, спокойный, собранный. Позвал на свидание. Если бы не Дерек, свидание получилось бы идеальным. Но Дерек вмешался. Мы весь вечер играли в автоматы и цапались. Хорошо повеселились.

Я, кажется, влюбилась в Румуса. Он – невозмутимое спокойствие. Рядом с ним так хорошо, как в тихой гавани после шторма. Игнис с Румусом не ладят. Я уже даже подумала, что надо попрощаться с Игнисом и быть только с Румусом. Но вдруг вспомнила, как Дерек сказал о Доре: “Я ей ничего не обещал. Это она надумала, что мы встречаемся”. И я поняла: пока нет официального признания, отношения с Румусом такие, как у Доры с Дерекком. Просто общаюсь. Сердце замирает, когда он рядом, но я молчу и жду. А пока использую Игниса как катализатор. И себя – как подопытного кролика».

Она усмехнулась. Усмешка вышла горькой, как тот чай.

«Два задания с лианой. Представляешь, мы чуть не убили ценный актив академии, потом восстановили. Я получила допуск к красным заданиям. Теперь, выполняя задания, я могу зарабатывать больше и собирать ценные ресурсы даже без Игниса. Но с ним это делать легче и веселее».

Она отложила перо, сжала виски. Голова гудела от переизбытка чувств и нахлынувших воспоминаний. Потом Эльза снова взяла перо и написала:

«Я скучаю. По твоей эксцентричной болтовне, но тут невероятно интересно, и каждый день полон новых открытий. Знаешь, когда я работала медсестрой в прошлой жизни, дни тянулись, как резина. А здесь бегут, как лошади. Мне нравится.

Береги себя. Передавай привет Герману. Чтобы он уже бегал, когда я вернусь».

Она свернула письмо, сунула в конверт, пахнувший клеем и сургучом, надела: «Рудольфу Фальку, город Ситайл, Южные ворота, улица Яблочная, дом 12».

Подумала и добавила: «Если не найдете, спросите у местных, они знают этого чудака».

Эльза выключила лампу и легла на кровать, уставившись в потолок. На потолке, белом, как простыня, не нашлось ни трещинки. Идеальный, академический.

Завтра выходные – и можно будет отправить. А сегодня – спать.

Она закрыла глаза и улыбнулась. Улыбка вышла детской, почти беззащитной. Всё-таки хорошо снова быть молодой. Даже с этими дурацкими драконами, влюбленностями и подставками.

Хорошо. Очень хорошо.

Глава 9. Белая вылазка

Утром в субботу Игнис получил сообщение:

«Вылазка через час. На весь день. Возьми с собой еду, питье, сладкие булочки. Встречаемся в боевом корпусе».

Он перечитал текст три раза, потом поднял глаза на Тарта.

– Сладкие булочки?

– Может, она заболела? – предположил Тарт.

– Она лекарь. Сама кого хочешь вылечит.

Тарт уже надевал легкий бронежилет, закреплял на поясе заряженные артефакты.

– Надевай броню, – бросил он. – Какое-то крутое красное задание, наверное. Эльза написала «на весь день», значит, серьезно.

Игнис молча кивнул, подхватил свой артефактный пояс, проверил амулеты.

В другом конце академии Дора, закончив сборы, вышла из драконьего общежития и направилась к общежитию Ирмы. Они встретились у подъезда и вместе зашагали к портальной арке главного боевого корпуса.

У арки уже стояли Игнис и Тарт. На фоне обычных студентов, снующих по делам, их группа выделялась: броня, артефакты, туго набитые рюкзаки – явно собрались надолго и серьезно.

Эльза появилась последней. Ее рюкзак оказался еще больше, из него торчал свернутый плед, на плече висела небольшая пустая сумка. Выглядела она бодро, но... не как боец. Игнис заметил это сразу.

– Ты уверена, что справимся? – спросил он, подходя. – Какой уровень? С кем сражаться?

– Ни с кем, – ответила Эльза, уже вставляя ключ в арку.

– Что?

– Белое задание, – сообщила она и шагнула в портал, не оборачиваясь. – Пошли.

Они удивленно переглянулись, но последовали за ней.

Портал выбросил их на поляну, и все замерли.

Впереди под склоном раскинулось озеро – прозрачное, спокойное, с пологим песчаным спуском к воде. Поляна, усыпанная цветами, а чуть дальше, за перелеском, желтело огромное поле одуванчиков – целое море золотистых головок, качающихся на ветру.

– Это... озеро? – выдохнула Дора.

– Это белое задание, – подтвердила Эльза, сгружая рюкзак на траву. – Сбор одуванчиков. Ограничений по времени нет. Опасно только, если наступишь на ужа.

Она расстелила плед, достала подушки, набросила заклинание мягкости.

– Но сейчас мы не собираем. Сначала отдых.

– Отдых? – переспросил Тарт, оглядывая свою броню.

– Да. Уметь работать – это важно. – Эльза упала на плед и раскинула руки. – Но уметь отдыхать – не менее важно. Пора нам научиться.

Она похлопала по пледу рядом.

– Располагайтесь. Расслабляйтесь. Будем лежать, есть, болтать.

Дора опустилась на плед, стянула тяжёлый рюкзак.

– Это... необычно, – призналась она.

– Это пикник, – Эльза прикрыла глаза. – Выходишь на природу, на свежий воздух, садишься с друзьями, болтаешь о том о сём.

Игнис хмыкнул, скинул артефактный пояс и сел на край пледа.

– Аристократы так не отдыхают, – заметил он. – Для этого строят замки, покупают лучшие сервизы, приглашают слуг, чтобы чувствовать себя в безопасности.

– Вот и начните, – отрезала Эльза. – Всё, что нужно для хорошего отдыха, – это плед, красивое место и хорошая компания.

Ирма тихо засмеялась и села рядом. Тарт остался стоять, но Дора потянула его за рукав.

– Садись уже. Мы на пикнике.

Тартсел.

Эльза открыла рюкзак и принялась выкладывать содержимое. Бутерброды, сладкие булочки, пирожки, кувшин с морсом.

– Еда, – объявила она. – На природе всё вкуснее.

Тарт взял бутерброд, оглядел его с некоторым сомнением.

– Странный способ отдыхать, – буркнул он.

– Нормальный способ, – парировала Эльза. – Попробуйте – и вам понравится.

Ирма, жуя булочку, спросила:

– С чего это ты вдруг решила отдохнуть? Что-то случилось?

Эльза откинулась на подушки, закинула руки за голову.

– Да. Симона, наша старшая целительница, меня ненавидит.

Она помолчала, собираясь с мыслями.

– В понедельник в лазарет явился сам ректор Вейлон. Явление крайне редкое и пугающее.

– Почему? – спросила Дора.

– Потому что ректор в лазарете – это всегда плохо. Либо кто-то умер, либо скоро умрет, либо он пришел проверять, и тогда умрем мы.

Ирма хихикнула.

– И что? – поторопил Игнис.

– А то, что он явился сияющий, с загадочной улыбкой и с таким взглядом, будто подготовил пакость.

– Что за пакость?

– Он объявил, что выдает три приглашения на ректорский приём. Для целителей. Раньше их на приём никогда не приглашали, – так поведала Симона. Всегда считалось, что лекари – это обслуживающий персонал, а вот атакующие маги – круто и важно.

– А тут вдруг три приглашения, – задумчиво протянул Игнис. – Подозрительно.

– Ага, – подтвердила Эльза. – Я говорю: «Я Вейса с того света вытащила, мне, получается, полагается один». А Симона тут же: «Нет. За прошлые заслуги не даем. Конкурс будет честный. Только новые достижения».

– И что происходило дальше? – спросила Дора.

– Неделю она давала разные задания, все носились, желая получить приглашения. Я неоднократно справлялась лучше всех, но Симона всегда придиралась к тому, как я работаю, и на ходу меняла правила. В итоге приглашение я так и не получила.

– Не расстраивайся, – попыталась успокоить подругу Ирма. – Попробуешь в следующем году.

– А что даст приглашение на приём? – спросила Дора.

Тарт поддал голос:

– Возможности. На приёме будут важные персоны. Могут предложить работу, дать деньги на исследования, познакомить с нужными людьми. Я на прошлом приёме видел, как одному воздушнику предложили место в королевской страже.

Эльза приподнялась.

– Ты бывал на приёме?

– Да, я хожу каждый год, – Тарт пожал плечами. – Я ведь лучший ледовик. Но там откровенно скучно.

Он добавил это, возможно, чтобы успокоить Эльзу.

– Ты тоже так считаешь? – спросила Эльза у Игниса.

– Я... я никогда не ходил, – ответил он и поймал на себе удивленные взгляды Доры, Ирмы и Эльзы. Ему стало не по себе.

– Почему не ходил? Ты же крутой артефактор.

Игнис замялся.

– Ну... вообще-то мог бы. Но я как-то не решался.

– Решайся, – твердо сказала Эльза. – Я буду рядом. Помогу, чем смогу. Не упускай свой шанс.

Игнис посмотрел на нее долгим взглядом.

– Ладно. Попробую.

– Вот и хорошо, – Эльза откинулась обратно. – А как, вообще, можно попасть на приём, кроме получения приглашения на своем основном курсе? Что делают, чтобы туда попасть?

Игнис поудобнее устроился и начал рассуждать, то ли вспоминая, то ли уже прикидывая свои варианты.

– Пропуски выдают на каждом курсе. На основных больше всего приглашений, на дополнительных – обычно одно-два лучшему на курсе или победителю соревнований. Например, от огневиков идет сразу девять студентов. У нас проводятся соревнования на звание сильнейшего на каждом курсе. Таким образом выбирают трёх лучших на каждом году обучения. На нашем курсе это соревнование будет на последней неделе перед приёмом.

– У нас аналогично, – сообщил Тарт и тоже уселся поудобнее.

Он оказался между Дорой и Игнисом и смутился, коснувшись руки Доры. Дора обернулась к нему, но вместо испуга на ее лице отразилось легкое смущение и красивая улыбка.

– А есть какие-то курсы, которые можно быстро пройти? – спросила Эльза. – Я могу получить приглашение по сельеварению или по боевому мастерству?

Игнис громко хихикнул.

– Ага, если ты получишь приглашение на приём ректора от Крэга, это будет фурор. Неожиданно и непредсказуемо. Прямо как вся ты.

Но Эльза даже не отреагировала на смех, посмотрела на него спокойным взглядом и спросила:

– Значит, такое возможно? Правильно я поняла?

Игнис уже не смеялся, а скорее, испугавшись, замялся.

– Да, у него есть приглашения на приём. Но я не знаю, как он их выдает. Думаю, выдает приглашение на приём тому, кто собрал больше всех баллов по боевому искусству.

– Хм... значит, надо понять, кто с нашего курса имеет больше всех баллов, и получить больше него. – Эльза задумалась. – Интересно, учитывая моего леопарда, Черного хлыста и наши красные вылазки, мои индивидуальные занятия у Крэга, есть ли кто-то, у кого больше баллов, чем у меня?

– Ты – целительница, – напомнил Тарт.

– И что? – с вызовом посмотрела на него Эльза.

– Это странно, – ответил Тарт.

– Это моя жизнь, – усмехнулась она. – Как хочу, так и живу.

Эльза замолчала, глядя в небо.

– А где Румус? – вдруг спросила Ирма. – Почему ты его не позвала?

Эльза помолчала.

– Я звала. Но он не смог прийти. У них в стае безумие. Дерек вернулся и всех созвал. Румус написал, что не знает, когда освободится.

– Дерек вернулся? – переспросил Игнис, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно.

– Да, – коротко ответила Эльза, не глядя на него.

Повисла пауза.

Тарт жевал бутерброд, Дора разглядывала облака, Ирма смотрела на озеро. Игнис сидел, сжав кулаки.

– Ладно, – Эльза зевнула и закрыла глаза. – Отдыхаем. Завтра будет новый день, и я придумаю, как обойти Симону.

Она повернулась набок и затихла.

Солнце неторопливо катилось по небу, легкий ветер шевелил траву, в небе плыли белоснежные облака причудливых форм. Дора уснула первой – свернулась калачиком на пледе и засопела. Потом задремала Ирма, пристроив голову на сумку. Тарт пошел к воде и там поймал лягушку. Он рассматривал ее, как ребенок, с неподдельным, почти забытым интересом. И на его вечно застывшем холодном лице впервые появилась настоящая теплая улыбка.

А Игнис, скинув броню, сидел на краешке пледа и тербил в руках травинку. Но Эльза видела: он нервничает – плечи напряжены. Взгляд скользил мимо, а травинка в руках крутилась, как волчок, вправо-влево, вправо-влево.

– Эльза, – позвал он тихо.

– Да.

– Что насчёт моего предложения?

Она не ответила сразу, закрыла глаза, подставляя лицо теплему солнцу.

– Игнис, я встречаюсь с Румусом.

– Я знаю. – Он помолчал, собираясь с мыслями. – Но ваши отношения – это временно. Он не женится на тебе.

– Откуда ты знаешь?

– Румус не женится на тебе, – повторил Игнис жестче. – Для драконов люди – второй сорт.

Он отложил травинку, повернулся к ней.

– Ты у него на десятом месте. После стаи, семьи, работы, амбиций. Не больше, чем развлечение. Ведь даже сейчас его тут нет.

– У него дела, – оправдываясь, сказала Эльза и замолчала, будто ей стало стыдно за собственные слова.

– И эти дела будут всегда. Важные, драконьи, неотложные. Он не выберет тебя вместо драконицы, которую одобряют старшие. Не пойдет против родителей, если те скажут, что ты ему не подходишь. У драконов строгая иерархия и высокомерие размером с гору, – Игнис попытался сгладить свой тон, но получилось не очень.

– Откуда ты знаешь? – повторила свой вопрос Эльза.

И этот простой вопрос выбил Игниса из колеи. Он столько думал, готовился, репетировал доводы и не сомневался, что она умная и поймет с первого раза – с того первого разговора. Но тот разговор ушел совсем не в то русло. Тогда он нечаянно открыл ей, что Крэг приказал на вылазке в Безумный лес пугать ее, чтобы она отказалась от боевой дисциплины. И с тех пор в Эльзе что-то переменялось.

Тогда, услышав о Крэге, она унеслась злая, как чёрт. Игнис подумал, что сейчас она натворит что-то невообразимое, подерется с Крэгом, разнесет боевой корпус на камни и щепки или сделает что-то еще более вызывающее. Но ничего не произошло. Стояла тишина. Крэг не получил ни царапины, Эльза всё также спокойно ходила на его курс. И это пугало, настораживало.

«Неужели она ничего не сделает? Не отомстит? В такое не верится», – думал о том случае Игнис и еще более тщательно взвешивал каждое слово сейчас, боялся, что разговор опять убежит не в то русло.

– Я спросил у драконов, – ответил он, наконец. – У Тарта на ледяном курсе учится ледяной дракон Айрис. На курсе огневигов я знаю пару драконов-полукровок, им не нашлось места в драконьем королевстве. Их матерям обещали любовь. А дали позор и пустой кошелек. Таких историй в академии – десятки. Драконы – чуждая раса, Эльза. У них другие законы. Для них

ты всегда будешь чужой. Решай сама, но хотя бы не закрывай глаза. Ты слишком умная, чтобы испортить себе жизнь из-за красивой морды.

– Румус не такой, – так же тихо возразила Эльза. – Ну или, по крайней мере, мне хочется в это верить.

Игнис непроизвольно хмыкнул.

– Ага. Любит. Сделает ради тебя всё... после того, как отчитается перед Дерексом. После совета старейшин, которые решат, кто ему нужен. После обеда с той драконицей, которую выбрала его семья. После того, как почистит чешую и поиграет в драконьи игрушки. Ты просто подожди. Десять лет. Двадцать, – Игнис скривился, будто лимон разжевывал.

Эльза сидела молча, смотрела куда-то отстраненно и будто не слышала его.

– Эльза, как ты можешь быть такой глупой? – продолжил он и ляпнул это зря.

Всего один взгляд – и Игнис понял: он перешел черту.

В ее глазах не стало огня. Там отразилась пустота. Та самая, которая страшнее крика. Она поднялась резко, будто ее выбросило из сидячего положения, и зашагала к Тарту. Жестко. Чеканно. Даже не обернулась.

Игнис догнал ее у тропинки к воде. Тарт, заметив их еще издали, тут же отвернулся и устался на пустые руки: лягушка давно усакала, но он продолжал смотреть на них с видом великого ученого, открывшего новый вид: «лягушка-невидимка».

– Эльза... Постой. Я не то имел в виду.

Она не останавливалась.

– Эльза.

Он перехватил ее руку и потянул на себя. Их лица оказались так близко, что его сбивчивое горячее дыхание коснулось ее щеки. Эльза замерла, чувствуя, как кровь приливает к лицу.

– Игнис, не надо.

Она попыталась высвободить руку, но движение вышло вялым, почти ленивым. Игнис держал едва-едва – хватило бы одного резкого рывка, чтобы освободиться. Но она не дергала.

– Я сама решу. С кем быть. С кем встречаться, – прошептала Эльза, глядя ему в лицо. Снизу вверх. С вызовом.

Но злость из ее глаз ушла. Остались огромные, влажные глаза, пухлые губы, которые она обиженно поджала... и румянец, разлившийся по щекам.

Игнис смотрел на нее и не мог отвести взгляд, а потом почувствовал запах травы, цветов. Легкая сладость – не духи, она сама так пахла. Пахла жизнью. Пахла тем, от чего у него закружилась голова. Он забыл, что хотел сказать. Забыл, о чём спорил. Забыл, зачем вообще позвал ее по имени. Игнис просто стоял – слишком близко, слишком долго – и смотрел на нее как замороженный.

– Эльза... – вырвалось у него из груди с томным придыханием. – Ты прекрасна!

Эльза, наконец, вырвалась, отвернулась, сложила руки на груди и фыркнула:

– Спасибо. Разговор окончен.

– Нет, Эльза. Просто давай обсудим не драконов, а тебя. Твои перспективы с драконами? Что тебе предложил Румус? Что он тебе дает? Скажи, я дам тебе больше. Подумай, с кем тебе на самом деле хорошо.

– Игнис, это не торговля, – прошептала Эльза, всё еще стоя к нему спиной.

А Игнис стоял так близко, что его дыхание обжигало кожу ее щеки. Эльза закрыла глаза, глубоко вдохнула, открыла их и, обернувшись, посмотрела на него спокойно.

– Эльза, просто подумай, как лучше для тебя. Я беспокоюсь о тебе. Всё, что я рассказал о драконах, – правда. Ты можешь и сама всё это узнать.

Эльза после небольшой паузы ответила:

– Я подумаю.

– Хорошо. Подумай. Я уверен, ты поймешь, что твое место рядом со мной.

Игнис смотрел ей в глаза уверенно и видел в них сомнения, грусть и что-то еще. Эльза отвела взгляд и продолжила спуск к озеру. Тарт, кажется, мог уже написать трактат обо всех обитателях озера и камыша.

Они стояли втроем у воды, смотрели на голубую тихую гладь и молчали.

Тарт решил разрядить обстановку и спросил самый, по его мнению, глупый вопрос:

– Ты, правда, будешь сражаться за боевое приглашение на приём к ректору? – спросил он тихо, будто речь шла о несусветной глупости.

– Конечно, – ответила Эльза, не открывая глаз. – Но не сегодня. Сегодня отдых.

Брови Тарта взлетели до небес.

Игнис лишь хмыкнул с усмешкой: «А как же еще? Это же Эльза».

И именно сейчас он думал о том, как хорошо, что она боевая, сильная и готовая сражаться за себя. Тогда она сможет решиться и разорвать отношения с Румусом, когда поймет, что он ей не пара.

А Эльза зевнула и ушла к девчонкам на плед. Ее одолевали странные вопросы и сомнения, от которых на лбу проступила морщинка. Она тряхнула головой, пытаясь отогнать неприятные мысли, и поглубже зарылась лицом в подушку.

«Сон на природе лечит и тело, и душу», – подумала она, засыпая.

К вечеру они вернулись в академию.

Эльза сдала одуванчики, получила баллы и попрощалась:

– Всем спасибо. Отдохнула. Теперь можно и дальше работать.

Игнис хотел что-то сказать, но она уже ушла – легкая, довольная, с почти пустым рюкзаком за спиной. Он смотрел ей вслед и думал о том, что Дерек вернулся. И что скоро всё изменится.

– Интересная она у тебя, – Тарт хлопнул его по плечу. – Пошли.

– Идем, – отозвался Игнис и двинулся следом.

Глава 10. Возвращение вожака

Дерек вернулся в академию затемно, но спать не лег. Он прошел по коридорам драконьего общежития, постучал в нужные двери, и через полчаса его гостиную заполнила стая.

Румус сидел в кресле, закинув ногу на ногу, с неизменным блокнотом на коленях. Дастин и Астер расположились на диване. Еще двое – Ким и Дрейк – стояли у окна, прислонившись к подоконнику. Все ждали.

Дерек окинул их взглядом.

– Время прокачиваться. По максимуму.

– Опять? – насмешливо поинтересовался Астер. – Ты и так лучший.

– Лучший – не значит сильнейший. Я хочу красный уровень. И деньги.

– Деньги? – подозрительно переспросил Румус. – У тебя же семья...

– Семья – это не я, – отрезал Дерек. – Мне нужны свои. И связи. Мы должны стать самой крутой стаей драконов. Не в мечтах, а на деле.

– Это как? – спросил Астер.

– А вот так, – Дерек прошелся по комнате. – Начинаем с вылазок. Все боевые желтые, потом откроются красные, мы делаем всё, что дает баллы и деньги. С утра до ночи. Каждый день, пока не выдохнемся. А когда выдохнемся – встанем и продолжим.

– Ты с ума сошел, – констатировал Дрейк.

– Возможно, – Дерек не стал спорить. – Но это не обсуждается. Я иду на вылазки с утра. Кто со мной – поднимает уровень. Кто нет – пусть не мешает.

– Я с тобой, – неожиданно для всех высказался Румус.

Все посмотрели на него. Румус редко вызывался первым.

– Нет, – отрезал Дерек. – Ты устраиваешься в боевой корпус работать, – спокойно пояснил он. – Это лучший способ наладить связи. Будешь нашими ушами в академии, будешь сообщать нам о заданиях, которые стоят внимания.

Дерек посмотрел на него долгим взглядом.

– Понял?

Румус выдержал, не отводя глаз, и спокойно ответил:

– Да.

Они разошлись за полночь. Дерек поговорил еще с Румусом и затем остался один.

Дракон сел в кресло, где только что сидел Румус, и задумался о том, что узнал от него. Тот сам рассказал о себе, об Эльзе, о том, что они встречаются. Говорил спокойно, будто речь шла об обеде, а не о любимой девушке. А Дерек слушал и чувствовал, как внутри всё закипает.

Румус ухаживал за Эльзой. Дарил цветы, водил в музей. Они встречаются. Но Дерек видел: Румус не влюблен в нее. В его глазах он не увидел того огня, той одержимости, которая жгла самого Дерека изнутри. Холодный расчет, не больше. Значит, можно отбить ее у него. Но позже. Сейчас главное – другое.

Он должен помириться с Эльзой. Она злится, не отвечает на сообщения, отводит глаза при встречах. Нужно стать для нее своим, завоевать доверие. Сделать что-то такое. Стать сильнее. Заработать деньги. Стать лучшим. Тогда она увидит. Поймет. Что он может дать больше, чем Игнис.

Румус сообщил, что Игнис всё еще таскается за ней.

Что ему нужно от нее?

Ведь когда был шанс, они не стали встречаться. Это надо выяснить.

***

В боевом корпусе Румус не терял времени.

Он пришел с утра, оформил заявку, прошел собеседование. Его взяли на подхвате обрабатывать данные, анализировать карты, выявлять закономерности. Работа не пыльная, но нужная.

А главное – там можно наладить связи. Преподаватели, старшие курсанты, выпускники, которые уже работали в Альянсе. Румус записывал имена, должности, привычки. Запоминал, анализировал, делал выводы.

К вечеру у него набралась папка с досье на двенадцать человек. Кого можно использовать, кого стоит опасаться, кого – игнорировать.

Он вернулся в общежитие, когда Дерек уже сдавал очередную добычу. Они встретились в коридоре.

– Как успехи? – спросил Дерек.

– Есть зацепки, – ответил Румус. – Пара человек, которые могут помочь. Но нужно время.

– Время есть, – кивнул Дерек. – Главное – результат.

Для Дерека субботнее утро началось затемно, он поднял стаю рано. Астер и Дастин – с ним. Ким и Дрейк – на подхвате, будут меняться.

Первая вылазка – желтая. Зачистка сектора от стаи воронков. Дерек вел жестко, без пощады. Вернулись к обеду, сдали шкуры, получили баллы.

– Следующая, – бросил он, даже не передохнув.

– Ты чего? – возмутился Дастин. – Мы еле стоим.

– Стоите – значит, идем.

Вторая вылазка тоже желтая. Сбор редких трав в опасной зоне. Астер выдохся, его сменил Дрейк. Дерек работал без остановки.

К вечеру вернулись, сдали, получили деньги.

– Еще одну, – приказал Дерек.

– Уже ночь! – заорал Ким.

– Ночь – самое время для охоты.

Третья вылазка получилась самой сложной. Стая драконов отправилась вглубь леса, выслеживала матерого зверя. Дерек шел первым, не сбавляя шага.

Зверя нашли под утро. Дрались долго, жестоко. Дерек упал, поднялся, снова упал. Встал и добил.

Вернулись на рассвете. Измотанные, грязные, с драгоценной тушей зверя.

Рина спала в гостиной Дерека, дожидаясь возвращения стаи и ее парня Астера.

Увидев добычу, она присвистнула:

– Ты ненормальный!

– Нормальный, – ответил Дерек, сгружая часть туши, что досталась ему как трофеем.

Он посмотрел на свои руки – в крови, в ссадинах. Вспомнил Эльзу. Как она лечила его на турнире. Как улыбалась.

– Скоро, – прошептал он. – Я стану лучшим. Ты увидишь.

Глава 11. Эльза и пропуск на приём у ректора

В воскресенье утром Эльза, как обычно, навещала Вейса.

Профессор встретил ее радостно, Джеймс – с привычным достоинством, позволяя себя погладить ровно столько, сколько считал нужным. Эльза принесла с собой булочки из кафе и немного свежих новостей. Вейс, в свою очередь, показывал ей новые схемы, объяснял тонкости зельеварения, которым она увлеклась недавно.

Они сдружились. Вейс оказался не просто талантливым алхимиком, но и умным тонким собеседником. А Эльза... Эльза стала для него благодарной слушательницей, которая, в отличие от многих, понимала ценность знаний, а не просто гналась за баллами.

Когда чай допили и половину булочек съели, Эльза собралась уходить. Но, выйдя от Вейса, она вдруг остановилась.

Квартира Крэга находилась буквально через три дома.

Она замерла на мгновение, покрутила в руках оставшиеся булочки, так как взяла их с запасом, а Вейс наелся. Потом решительно повернула в ту сторону.

– Зайду, – сказала она сама себе. – Просто пообщаться. И спросить про приглашение.

Крэг открыл дверь не сразу. Он дома ходил в простой рубаше, без обычной тренировочной формы, и от этого казался почти... уязвимым.

Увидев Эльзу, Крэг замер.

– Ты? – выдохнул он, и голос у него сел.

– Я, – Эльза улыбнулась. – Пришла угостить. И поговорить. Ты однажды сказал, что я могу обратиться к тебе за помощью. Так вот я обращаюсь.

Орк молча посторонился, пропуская ее.

Внутри оказалось именно так, как она и представляла. Минимализм. Почти аскетизм. Ничего лишнего. Спальня, комната для тренировок с каменным манекеном и другим инвентарём, кухня с гостиной – всё на первом этаже. На второй вела лестница, но Эльза туда не смотрела.

На кухне оказалось чуть грязновато. Пара упаковок от готовой еды на столе, чашки, которые ждали своей очереди.

Крэг проследил за ее взглядом и вдруг засуетился, начал собирать, но она улыбнулась:

– Я не инспекция. Садись, Крэг, не суетись.

Недоумевающий орк присел. Она разложила булочки, он налил чай.

– Я за помощью и советом, – начала Эльза прямо. – Как мне получить приглашение на приём ректора?

Крэг удивленно поднял бровь.

– Разве целителям не дали? Я думал, что у тебя уже точно есть.

– Дали. Симона сделала всё, чтобы я не получила, – Эльза поморщилась. – А я не сдаюсь.

– В принципе, – медленно проговорил Крэг, – я могу дать приглашение. Я выдаю тому, у кого к концу недели перед приёмом будет больше всех баллов по боевому мастерству на каждом году обучения.

– И сколько у меня сейчас?

– Самый большой баланс.

Эльза просияла, но он не дал ей порадоваться.

– Правда, – он замялся, – Дерек... Он за вчера и сегодня ночью вдруг существенно подрос в баллах. Такими темпами он скоро тебя обгонит. Так что тебе не стоит отлынивать.

– Дерек? – Эльза нахмурилась. – Он же только вернулся...

– И сразу взялся за дело, – кивнул Крэг.

Она задумалась, отщипнула кусочек булочки.

– А есть другой способ? – спросила она. – Кроме того, чтобы каждый день бегать на вылазки?

Крэг откинулся на спинку стула, усмехнулся.

– Есть. Я могу помочь. Но при одном условии.

– Каком?

Орк посмотрел на нее долгим и серьезным взглядом.

– Скажи, за что ты на меня обиделась?

Эльза замерла, потом отвела глаза.

– Я не обижалась.

– Обижалась, – твердо настаивал Крэг. – Ты две недели смотришь враждебно, фыркаешь и бросаешь странные фразы. Расскажи, чем я тебя обидел и что такое Хэллоуин?

– Сначала помоги, – перебила она, с вызовом поднимая голову. – Потом поговорим.

Крэг поперхнулся, но оценил. Напор, вызов, искры в ее глазах.

Он смотрел на девушку, и в его глазах плескалось что-то такое, от чего у нее самой защемило сердце.

– Хорошо, – согласился он наконец. – Я организую черную вылазку. Ты получишь много баллов и опыта. А потом мы разрешим наше недопонимание.

Эльза кивнула, пряча улыбку.

– Договорились.

Он встал, подошел к окну. Спина напряженная, будто он готовился к бою.

– Я сам пойду с тобой, – пояснил он, не оборачиваясь. – В такие вылазки без опытного наставника нельзя.

– Хорошо, – ответила Эльза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.